

ЮРИЙ НИКИТИН

Скелет
в шкафу

К О Н Т Р ● Л Е Р

Annotation

Большое видится на расстоянии, тайна распада СССР начинает вырисовываться только с дистанции в три десятка лет, да и то в общих чертах. Однако многие в ГРУ полагают, что раскрывать ее все равно рано. Но кто-то решил открыть миру правду... и вызвать мировой кризис. Владимиру Лавронову предстоит срочно вмешаться, самому решить судьбу великой тайны и, если получится, предотвратить апокалипсис...

Юрий Никитин

Контролер. Книга вторая. Скелет в шкафу

© Никитин Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Герашенко с большой чашкой парующего кофе двигается по коридору осторожнее ассасина. Налито «с горкой», потому держит цепко и ничего, кроме колышущейся темно-коричневой поверхности, вообще не зрит и не видит.

Я догнал, сказал негромко:

– Не трясите... давайте донесу.

Он разжал пальцы, осторожно передавая чашку, лицо засветилось счастьем.

– Володенька!.. Как хорошо, что вернулся. А здесь, понимаешь, сахар кончился. Вот и бреду к лягушатникам. Хотя они не лягушатники, нечего французов зря обижать, а вообще лягушники!

– Я тоже не доверяю людям, – признался я, – что пьют кофе без сахара. А если экспериментируют на лягушках, то вообще дикари допотопные!

– Дивно смотришься, – сказал он. – Посвежел, расправил спину. Даже выше ростом. Ах да, перестаешь горбиться.

Он распахнул передо мною дверь, я внес и поставил на его стол чашку. В коридоре кто-то заорал:

– Лавронов явился!.. Не поверите, живой пришел!

Герашенко ухватил чашку обеими руками, а в комнату начал стягиваться народ, все любопытные и такие приветливые, словно еще не верят в мое выздоровление. Да и как поверить, нейродистрофия пока не лечится, а это значит, не соперник, такого можно и пожалеть.

Я улыбался, поворачивался, отвечал на похвалы, что да, хорошо выгляжу. Участие в раскрытии воровства гранта я попросил в полиции не афишировать, так что поздравляют с тем, что не зря пару дней отдыхал дома, а то пока отсутствовал, здесь такое было, такое было, но все прошло, к счастью, и наш мирок теперь снова защищен от бурь грубой мирской жизни.

Герашенко допил кофе и вытолкал всех за дверь, прикрикивая «Арбайтэн, арбайтэн!», а когда мы остались одни, повернулся ко мне, уже деловой и серьезный.

– Место Медведева опустело. Так что, Володенька, можешь взять его мышек. Он же кормил твоих! А также хорошо бы посмотреть, что там у него насчет ускорения регенерации аксонов. Может, просто обманывал? С такими деньгами можно жить спокойно и просто ждать эры бессмертия, пусть ее в муках и бессонных ночах открывают другие.

– Бери, – ответил я, не раздумывая. – Тем более, вчера Брайан Джюс и Роберт Ланг опубликовали статью в «Мире нейросинтеза» о новом перспективном способе стимуляции роста неких аномальных аксонов в нестандартных средах.

– Ого, – сказал он с уважением, – когда ты успел?

– И даже обдумал, – сообщил я, – как двигаться дальше. Как надо было бы... Медведеву.

– Но теперь действуй ты, – сказал он и с энтузиазмом потер ладони. – Я рад, что ты в строю!.. Тьфу-тьфу, как же нам повезло с той сумасшедшей попыткой...

– Тихо-тихо, – шепнул я. – Узнают, нас всех возьмут за жопу. И повыгоняют отовсюду. Второй раз не повторить, нужно разрабатывать точный метод. Хорошо, пойду перетаскивать его мышек.

– Тебе все его наработки скинуть?

Я покачал головой.

– Не нужно. Я в курсе.

Он кивнул, а я подумал, что действительно в курсе всего, и даже проделал тысячи экспериментов мысленно, однако в счет принимаются только те, что в реальности, а тут главная трудность, что любую виртуальную находку, полученную за три секунды, придется подтверждать несколько лет. Мышки живут два года, а чтобы проверить, увеличилась ли продолжительность их существования, нужно ждать хотя бы эти два года, плюс какое-то время сверху, чтобы робко и еще неуверенно сообщить про успех. Лишь тогда мою методику начнут проверять в сотне подобных независимых лабораторий по всему свету, и если и там получится то же самое, только тогда метод будет признан работающим. А это не меньше пяти лет еще...

Ближе к обеду все забегали в жуткой суматохе, как муравьи по горячему песку. Я увидел в окно, как к подъезду подкатила «Тесла» последней модели, а за нею два черных джипа с охраной.

Геращенко вскрикнул в страхе:

– Это сам Мацанюк прибыл!..

– А чего такая паника? – поинтересовался я.

Он воскликнул:

– Володя, как вы не понимаете!.. От него все зависит! Захочет – даст денег на исследования, захочет – не даст!

– Ну да, – не поверил я, – с таким отношением к делу так бы и создал империю на трех континентах. Даст или не даст денег, больше зависит от того, что сделали, а не от цвета вашего галстука, что не совсем сочетается с цветом носков.

Он вскрикнул в ужасе:

– Правда?.. А какие надо?

– Да просто приспустите штаны, – посоветовал я серьезным голосом. – Калоши все прикроют.

Мышки Медведева на меня не обратили внимания, им люди просто люди, мало ли их бегают по свету, хотя и поменьше, чем самих мышей.

Я аккуратно перенес клетки в свой кабинет, заодно просматривая заново все работы Медведева. В самом деле творческие натуры более склонны как к творчеству, так и к злодейству. Мне кажется, за попытки нарушить законы природы и законы уголовного права отвечает одна и та же извилина. Наука – это точность, порядок, закономерности, а любое научное открытие нарушает строгий порядок.

В дверь стукнули, я оглянулся, Геращенко вошел непривычно тихий, посмотрел на меня как-то странно и даже вроде бы с некоторым испугом.

– Володя... там к тебе пришли...

– Пусть заходят, – ответил я автоматически, поднял голову и всмотрелся к его лицу. – Остап Шухевич, что стряслось?

Он сказал почти шепотом:

– Пойдемте, пойдемте... Это в моем кабинете.

Я не сопротивлялся, очень уж необычно ведет себя наш завлабораторией. Его кабинет на этом же этаже, мы прошли мимо ряда дверей, он торопливо распахнул дверь в свой кабинет. Я замешкался, но он втолкнул меня и так же быстро закрыл следом, будто опасается, что в испуге выскочу обратно.

У окна спиной ко мне мужчина, заложив руки за спину, повернулся, высокий и аристократичный, в безукоризненном английском костюме, седые волосы аккуратно подстрижены, удлиненное лицо лорда, строгое и высокомерное, холодный взгляд и безукоризненная выправка кадрового военного в десятом поколении.

– Здравствуйте, – сказал он ясным четким голосом, в котором мне послышалось лязганье затвора, – меня зовут Аркадий Валентинович, я заехал к вам по несколько необычному делу. Аркадий Валентинович Мещерский.

– Слушаю, – сказал я настороженно. – Звучит как княжеский титул.

Он сдержанно улыбнулся, дескать, так оно и есть, указал на одно из кресел у стола, единственного в нашем отделе, где вся столешница представляет огромный компьютерный экран.

– Присядем? Я не задержу вас надолго.

– Ничего, – ответил я. – Я привык к сидячей работе.

Он сел напротив, такой же прямой, элегантный, возраст заметен только по седым волосам и паре глубоких морщин, а так силен, бодр и в постоянной готовности к экшену, это просто излучается от его сильного тела.

Я подумал, что стоять перед ним еще хуже, словно подчиненный, и сел, слегка отодвинув стул в сторону.

Он некоторое время всматривался в меня, словно надеялся увидеть что-то сверх того, что я изволю экспонировать посторонним, я не двигался, рассматривал его спокойно и сдержанно, хоть вы там и князья, но мы – ученые, а это в нашем мире неизмеримо выше. Уже выше, хотя мало кто это понимает.

– Наша сотрудница дала вам крайне лестную оценку, – сообщил он. – Вы показали себя крайне... крайне проницательным человеком. И с завидной легкостью распутали сложное дело.

Я пробормотал:

– Не думал, что вы из полиции.

Он чуть наклонил голову, не подтверждая и не отвергая, сказал ровно:

– Позвольте, перейду сразу к делу. У нас сейчас примерно такая же нештатная ситуация, и нам сверху посоветовали не менять коней на переправе.

Я постарался держать голос в той же ровной и безинтонационной тональности:

– Надеюсь, вы понимаете, что я не ваш конь?

Он не отрывал от моего лица внимательного взгляда, ответил чуть замедленно:

– Ученые вообще стараются ни от кого не зависеть... но деньги на фундаментальной науке не зарабатываются.

– Да, – согласился я. – Это единственный крючок, на который нас ловят.

Он чуть наклонил голову.

– Значит, у нас есть шанс договориться.

Я пробормотал:

– Простите, но, как вы понимаете, меня не столько заинтересовало... сколько безмерно удивило и даже покорило, что вы обращаетесь ко мне, человеку со стороны. Даже, простите, из другого мира.

Он поморщился, уже заметно, что ему в самом деле очень не хочется обращаться ко мне, своих орлов хватает, но кто-то велел, а приказы надо выполнять, выдержал мой взгляд и ответил с прежней интонацией:

– Сработало два момента. Первое, вы настолько блестяще, не побоюсь этого слова, в течение кратчайшего времени выяснили, кто похитил грант в двенадцать миллионов долларов из вашего Центра инноваций... это впечатлило, тем более, все отметили инновационность преступления. Все-таки и преступники действуют в рамках известных им правил, и, увы, правоохранительные работники не блещут поисками новых методов. Потому, как только преступник применил что-то новое, наши службы встали в тупик. Но решение нашел человек с совершенно иным складом ума.

– Гм, – сказал я, – а второе?

Он кивнул.

– Да-да. Второе... в том, что мы потеряли общий язык с одним из наших старых сотрудников. Очень старых.

– Я что, специалист по старикам?

Он произнес сдержанно:

– Нам известно, вы блестяще говорили со стариками-академиками, собирая нужные вам сведения.

– Простите?

Он чуть наклонился вперед и прямо посмотрел мне в глаза.

– Этот наш сотрудник не просто старик, он... академик, доктор наук, автор очень примечательных работ мирового уровня.

– Ого, – сказал я, – ну, я хоть и доктор наук, но пока что больше мальчик на побегушках и для битья. В науке иногда бьют. Крепко. А иногда не совсем иногда.

Он сказал настойчиво:

– Вам будет проще найти с ним общий язык.

Я поинтересовался:

– Простите, а как вам стало известно вообще о моем существовании?

– Любая страна сильна кадрами, – ответил он. – Вы ценный кадр. После того дела вас сразу взяли на заметку. Разумеется, по подсказке одного из наших сотрудников.

– Гм, – сказал я, – мне кажется, кто-то не в теме. Не припоминаю, чтобы я общался с кем-то из ваших сотрудников.

Он вскинул брови.

– Правда?.. Если я сейчас его приглашу... может, вспомните?

– Вряд ли, – ответил я. – У меня хорошая память только на термины. Из мира науки.

Он сделал короткий жест над левым углом столешницы, мне бы такой стол.

Дверь распахнулась, я охнул про себя и невольно поднялся. Из коридора вошла в красном элегантном платье Ингрид, эффектно элитная, с голыми плечами и глубоким вырезом, копна иссиня-черных волос собрана в прическу «конский хвост», из мочек ушей свисают длинные серьги, на груди жемчужное ожерелье.

Длинные и, кто бы подумал, стройные ноги без уродливых бугров мышц обуты в моднейшие сапожки до колен, с обеих сторон расшитые бисером.

Она посмотрела свысока, наслаждаясь моим искренним изумлением. В крупных глазах навывкате мрачный триумф, орлиный нос высокомерно приподнят, а я, конечно, дурак, был слишком занят, чтобы просмотреть записи с камер.

Кадровый аристократ сказал светским голосом:

– Ингрид, это Владимир Алексеевич, вы с ним уже в некоторой мере знакомы. Владимир Алексеевич, позвольте познакомить вас с нашей сотрудницей, капитаном

контрразведки Ингрид Волковой.

Я пробормотал:

– Мне казалось... она в полиции? Типа фельдфебель... или унтер?

– Было такое задание, – сообщил он. – По сигналу о злоупотреблениях капитан Волкова работала под прикрытием. Удалось разоблачить и снять с постов двух высокопоставленных работников полиции. А с вашей помощью взяли еще одного, дополнительный улов, чего совсем не ожидали.

– Блин, – сказал я искренне, – я не думал, что она еще и красивая! Там в полиции эта ваша солдафонша рявкала на всех. Позвольте, вот это кресло...

Он с поощряющей улыбкой смотрел, как я отодвинул для нее кресло. Ингрид прошла царственно, а когда я придвинул обратно, красиво и величественно села, руками сделав такой жест, словно приподнимает края широченного и длинного до пола платья, были такие в старину, а теперь остались только в виде свадебных и вроде бы церемониально бальных.

Я сел, Мещерский кивнул и сообщил:

– Ей надо было соблюдать роль.

– А сейчас, – поинтересовался я запоздало и с растущим подозрением, – у нее какая роль?

Он ответил подчеркнуто серьезно:

– Вы не поверите, но она получила задание уговорить вас посотрудничать с нами.

Я пробормотал:

– Она уговаривать умеет... Дубинкой по ребрам.

– Надеюсь, – сказал он мягко, – до этого не дойдет. Хотя...

– Хотя? – спросил я.

– Хотя ей обычно, – пояснил он, – полномочия предоставляются. Да, предоставляются.

В смысле, широкие. Действовать по обстановке и на свое усмотрение.

– Ого, – сказал я, – как я понимаю, доверенный товарищ?

– Да, – подтвердил он. – Ее рекомендацию мы приняли очень серьезно. Насчет вас.

Я повернулся к Ингрид.

– И во что вы, капитан Волкова, восхотели втянуть серьезного ученого на этот раз?

– Возникла проблема, – ответила она.

– Какая?

– Серьезная.

– А в чем ее суть?

Она покачала головой.

– Информация пока что засекречена. Соглашайся.

– Ага, – сказал я саркастически, – щас. Не глядя. И не видя, в какое говно вступлю.

Она в затруднении оглянулась на Мещерского. Тот посмотрел строго, даже чуть откинулся на спинку кресла.

– Вижу, словарный запас научных терминов у наших докторов наук весьма широк.

– Наука, – напомнил я, – как сказал Ленин, должна быть близка к народу. А еще каждая кухарка должна уметь управлять государством. Эти кухарки еще не начали с контрразведки?

Он поинтересовался холодно:

– Похоже, интересы страны вы не принимаете слишком близко к сердцу?

– Я человек науки, – ответил я скромно. – Наука космополитична. И хотя живу в России, но с патриотизмом не перебарщиваю.

Он произнес уже совсем холодно:

– А когда вы возвращали украденный грант, вы работали не на страну, а на свою науку?

– На общую науку, – уточнил я. – Своей ни у кого, к счастью, нет.

– Вы сработали с блеском, – заметил он.

Я ответил скромно:

– Каждый бы так поступил на моем месте.

Он вскинул брови.

– Простите...

– Каждый доктор наук, – уточнил я. – У нас в лаборатории даже кандидаты наук уже редкость. Здесь куда камень ни кинь – попадешь в доктора.

Он произнес тем же почти безразличным голосом:

– А-а, вот вы что имеете в виду.

– Именно, – ответил я. – Все-таки у нас тут постоянное кипение мысли. Тайны рождения новых аксонов разгадать не легче, чем кражу или убийство. Смею предположить, намного труднее. Было бы легко, у нас был бы золотой век... А вот бегать и стрелять, все верно, мы не мастера.

Он чуть наклонил голову.

– Бегать и стрелять... да это проще, не спорю. Выучиться проще. В общем, у нас возникла чрезвычайная ситуация, когда бегать и стрелять бесполезно, не поможет. Да и вредно для дела. Нужно побывать на месте, поговорить с умнейшим человеком и... не испортить. Наша сотрудница порекомендовала обратиться к вам.

– Не знал, – проронил я, – что она любит устраивать еще и пакости. Хотя и догадываюсь.

Он светски улыбнулся.

– Вы с нею так блестяще поработали в деле возвращения похищенных денег! Она просто настаивает, чтобы привлекли вас.

– А этот капитан, – спросил я, – сейчас уже капитан или... В смысле, сейчас уже у вас или все еще в милиции?

Он улыбнулся.

– Одно другому не мешает. Наши могут быть и в бандах, и в партиях оппозиции, и в самой полиции, дабы следить за чистотой рядов. Увы, коррупция проникает везде. Потому человек со стороны хорош еще и тем, что вне подозрений... хотя бы какое-то время.

Я кивнул в сторону аристократически внимающей Ингрид.

– А ваша аристократка с дубинкой знает, в чем соль проблемы?

Он покачал головой.

– Нет. Главный вы. Если решите посвятить ее в детали – ваше дело. Потому что тогда отвечать и за нее будете уже вы.

– Я человек науки, – напомнил я. – Это к тому, что условия эксперимента сперва детально прорабатываются в уме, потом на компьютерной модели, а уж затем переходим к реальным опытам. А сейчас вы хотите, чтобы я согласился участвовать в чем-то таком, о чем не имею представления!

Он вздохнул, лицо омрачилось, даже бросил взгляд в сторону Ингрид, но она сейчас в самом деле аристократический айсберг, сверкающий, чистый и холодно недвижимый.

– Мне кажется, – произнес он еще более надменно и даже напыщенно, – вы подойдете. Как в данном случае, так и для дальнейшей работы.

– Что-что? – переспросил я.

Он посмотрел на меня, на нее, кивнул с довольным видом.

– Вы не испытываете друг к другу даже симпатии, это замечательно. Значит, сможете на задании играть мужа и жену, проживших вместе хотя бы десяток лет.

Что за солдафонствующий аристократ, мелькнуло у меня с налетом отвращения, уже распланировал, как буду служить у него на побегушках, как же, у них дисциплина, ходят строем, отдают честь, зачем честь в спецслужбах, только помешает...

Ингрид перевела на меня взгляд, полный презрения.

– Десять лет назад он в школе писался в штанишки.

Я попытался вспомнить, где я был десять лет тому, но Мещерский прервал мои раздумья:

– Неважно, пусть пять. Но вы вот уже пресыщены друг другом, а вашу семью сохраняют привычные ценности: общие дети, имущество, друзья...

Она сказала недовольно:

– А поверят, что у меня вот от такого могут быть дети?

Мещерский ухмыльнулся.

– Дети бывают от кого угодно на стороне, но брак от этого рушится редко.

– У меня рухнет, – произнес я мрачно. – Уже рухнул. Так что давайте на этом завершим. Благодарю за интересную беседу. Мы не сошлись в гораздо более важном, чем вопрос о браке. Прошу простить, но мне нужно идти, у меня там семеро мышей сидят по лавкам не кормленные.

Я поднялся, отодвинул стул, Мещерский что-то заговорил быстро, но я пошел к двери, а там крайне вежливо открыл, вышел и закрыл, не опускаясь до вульгарного хлопанья дверью из-за напрасно потерянного времени.

Минут через пять дверь за спиной приоткрылась, мне даже не нужно смотреть в видеокамеры, чтобы узнать Ингрид, ее запах отличу не просто среди тысячи, а среди миллионов подобных.

Я не успел даже недовольно хрюкнуть, как она сказала быстро:

– Я пришла извиниться.

– Не пришла, – возразил я, – а прислали. Врать нехорошо.

Она сделала вид, что чуть смутилась, даже в голос подпустила чуточку растерянности:

– Да... но я и сама пришла бы. Я перегнула не случайно. Я видела, чем кончится, поспешила ускорить. Да и Мещерский... он понял, ты все равно откажешься, потому повел

себя так, чтобы ты обиделся и ушел. Поверь, все у него просчитано.

– Да ну? – спросил я с сарказмом.

– Он лучший аналитик нашего Центра, – сказала она серьезно. – Думаю, если бы пошел в науку, тоже стал бы доктором или хотя бы кандидатом. И вовсе не за меткую стрельбу и прыжки по крышам. Потому в эту минуту он садится в автомобиль и уезжает, а я здесь продолжаю тебя уговаривать.

Я окинул ее внимательным взглядом.

– А ты вообще ничё так... Кто бы подумал, в платье... Как человек!.. Даже, прости за бранное слово, почти как женщина.

Она ответила скромно:

– Мне идет любое платье. Когда фигура в порядке, надевать можно все.

– А говорила, – напомнил я, – пара туфель, пара туфель!..

– Я не врала, – сказала она мирно. – Не люблю лишнюю одежду, обувь, мебель... Но все, что нужно, возьму в нашем хранилище. Или моментально привезут из любого люксового магазина... Но ты пойми, не только меня, но всякого в нашем управлении задевает, что ты так легко все решил... Зачем тогда все наши годы зверских тренировок, учений, маршбросков, уроков рукопашного боя, стрельбы из любого положения?.. Обидно.

Я сказал кисло:

– Ладно, прощаю. А теперь топай, я на работе.

Она послушно сделала было шаг к двери, я молодец, голос у меня, видать, командный, командирский даже, как у Рокоссовского или Тухачевского, но там остановилась, медленно и несколько растерянно повернулась.

– Полковник хорошую работу предлагал, – сказала она негромко.

– Да ну?

– И очень нужную.

– Не спорю, – ответил я, – но для такой работы нужны люди с тремя классами образования. Как ты, например. Таких легче обучить прыгать с парашютом и убивать одним ударом. А я даже курицу убить не могу.

Ее лицо не дрогнуло, хотя наверняка обиделась, покачала головой.

– Но убитую другим человеком жарить, режешь и жрешь так, что за ушами трещит!..

– Это другое дело, – отрезал я. – Такая курица для меня выросла на дереве. Уже без головы и ошипанная. Человек совсем не то, что он есть, это голая обезьяна по Дезмонду Моррисону, а то, чем он себя представляет.

Она ответила подчеркнуто мирно:

– Не буду говорить, что ты не прав, а то сразу поссоримся.

– А мы и не мирились, – напомнил я.

– Ладно, прости еще раз, – сказала она с раскаянием. – Я пришла совсем по другому поводу. Мы в курсе, чем вы занимаетесь. И что у вас, как всегда в ученом мире, недостает денег на опыты. Наше управление могло бы выделить вам грант.

Я фыркнул.

– От контрразведки? Не смешите. Со мной никто здороваться не будет. Я имею в виду, из приличных людей. Ты смотри, не проговорись, что я участвовал в поиске украденных денег. В нашем мире ценят серьезных ученых, нацеленных на раскрытие только тайн природы! Мое участие в ловле преступников пойдет, скорее, в минус.

– При чем здесь контрразведка, – сказала она недовольно. – Грант придет либо от

Академии наук, либо от фонда развития технологий. Либо еще из сотни в списке. Только назови.

– Все у вас на крючке? – спросил я едко. – Куда мир катится...

– Миллион, – прервала она. – Пока еще в долларах. Но можно в евро, хотя это чуть меньше.

Я переспросил, не веря своим ушам:

– Сикоко-сикоко?

– Миллион, – повторила она. – Для начала сотрудничества. А там видно будет.

Я запнулся, рассматривая ее зло и придирчиво. Если бы позволила себе хоть крохотную усмешечку, даже тень торжества, тут же вытолкнул бы за дверь и велел забыть дорогу, но она и плечи опустила, и даже горбится, играет, понимаю, вид держит виноватый, что должно снизить во мне градус отторжения. Пусть еще не склонить к обсуждению деталей сотрудничества, но хотя бы не прерывать контакт.

– Все понятно, – сказал я нетерпеливо. – И твоя игра, и расчеты аналитического отдела твоей конторы. Да, мы остро нуждаемся в деньгах. Те деньги, что выделил Мацанюк, тут же растащили по лабораториям. Давай сразу о главном: чего от нас хотят и на каких условиях дадут денег? Частями? В какие сроки?

Она покачала головой.

– Никаких частей, сразу один миллион в долларах. У нас, конечно, средств поменьше, чем у Мацанюка, но все же есть в наличии на разные экстренные случаи. Как только согласишься.

– Что, – спросил я с недоверием, – устного согласия достаточно?

Она кивнула.

– Контракты теперь не подписывают... в подобных случаях. Все остальные ваши сотрудники нам не нужны, работу предлагают только тебе. Даже не работу, а так... единственное задание. По контракту.

– Деньги после выполнения?

Она покачала головой.

– Нет. Как только сядешь в машину. Мы не сомневаемся, что ты человек чести. И потому сделаешь все, чтобы решение было верным.

– Человек чести, – пробормотал я. – В наше-то время... Да еще ученый! С ума сойти. То ли вы там слишком наивные, еще в девятнадцатом веке, то ли присчитываете меня на Алкома-девьяносто.

– Алкомы у нас нет, – ответила она, – но есть прекрасные аналитики.

Я развел руками.

– В какое время живем!.. Наука, от которой зависит все-все, питается крохами, а олигархи покупают острова под виллы, яхты за полмиллиарда долларов и «Боинги», чтобы возить шлюх в свои дальние дворцы...

– Мы не олигархи, – проронила она, – у нас денег тоже меньше, чем нужно. Но поделимся... Поехали?

– Ты с мигалкой?

Она улыбнулась.

– Увы, у меня теперь очень неприметный автомобиль.

– Но бронированный?

Она посмотрела с удивлением.

– А как иначе?

– Посиди здесь, – сказал я. – Поговорю с начальством, чтобы отпустил.

Она встрепенулась.

– Может быть, лучше звонок от нас?

– Ни в коем случае, – сказал я в ужасе. – Со мной здороваться не будут!.. Сам лучше совру что-нить хитрое.

– Тогда я вниз, – сообщила она. – Подожду в авто, а то тут так отвратительно пахнет мышинным пометом!

В коридоре пусто, я позаглядывал в кабинеты, сотрудники все до единого тише мышей, с которыми работаем, смотрят в пугливом ожидании, то ли уже знают, кто появился, то ли Ингрид в ее блистающем платье цвета свежей крови действует на мужчин и женщин, как взрыв термобарической бомбы.

Герашенко отыскался в последнем, всегда так, надо было начинать с конца, хотя он тогда точно оказался бы в начале, сейчас встрепенулся мне навстречу:

– Володя?

– Остап Шухевич, – сказал я невесело, – я вынужден отлучиться. У этих служб появились вопросы ко мне, так как я был дружен с Медведевым, а он не просто спер двенадцать миллионов, но и часто ездил в проклятую Госдепию на конференции.

Герашенко сказал пугливым шепотом:

– То-то я сразу заподозрил, что они не просто из полиции. Какой ужас!

– Вот-вот, – сказал я, – однако, чтобы все было без шума, они пообещали выделить нашей лаборатории грант в миллион долларов! Не от себя, а от фондов поощрения науки. Если не кинут, заживем. И еще пару мышей купим.

Он охнул, глаза округлились.

– Миллион?

В глазах я увидел быстро меняющиеся цифры, сколько пойдет на оборудование, сколько можно бросить на закупку новых сотрудников.

– Да, – ответил я. – Пообещали. Так что отбываю. Надеюсь, ненадолго. Помните, пару мышей для меня!

– Сделаем, Володя...

– С клетками.

Он охнул.

– Еще и с клетками? Поместишь к своим старым.

– Ну ладно, – согласился я.

Он сказал пугливо:

– Только ты там... все отрицай. Вы же с Медведевым вместе всего пару раз бывали в Калифорнийском, а еще в Центре Курцвейла...

– Мне пообещали, – заверил я, – что бить не будут. У них теперь какие-то особенные пытки, следов не остаются, правозащитники пусть умоются.

Он охнул, а я пожал ему руку и поспешил к лифту.

Ингрид просигналила, иначе бы не увидел ее автомобиль с крыльца. Легонький такой с виду, чисто дамский, вертлявый и донельзя изящный, но я, спускаясь по ступенькам, посмотрел своим внутренним взором, через долю секунды уже знал, что за каждым из колес следит свой компьютер, бортовая система заточена на выявление дальних угроз на земле и воздухе, а при необходимости с двух сторон поднимутся турели и собьют неопознанные

вертолеты в тот момент, как только те начнут ловить машину в прицел.

Она распахнула для меня дверцу справа, я сел с самым довольным видом, похлопал по борту.

– Толстые.

Она ответила невинно:

– Там аккумуляторы Макса. Бензин теперь не нужен, к тому же в бортах добавочная защита от столкновений.

– Да, – согласился я, – а вот тут можно прятать добавочный пистолет. Даже автомат.

Ее лицо чуточку напряглось, но тут же улыбнулась.

– Фильмов насмотрелся?

– В фильмах таких авто еще нет, – ответил я. – Но в реале я бы расположил. Аккумуляторы все уменьшаются в размерах, а место надо бы занять чем-то полезным для дома, для семьи.

Она засмеялась.

– Пистолет, автомат... это для дома, для семьи? Быстро начинаешь смотреть глазами оперативников.

Автомобиль сорвался с места достаточно быстро, хотя теперь замечаю такие мелочи, как усиленная работа мотора и на долю секунду замедление при старте. Мне достаточно рассчитать толщину брони и ее вес, так как все типы автомобилей с их точными характеристиками выпрыгивают перед глазами по первому требованию, и уже знаю, какой сорт стали пошел на обшивку и почему в толстых стенках совершенно нет незаполненных пустот.

Эти электромобили хороши уже тем, что в них в самом деле навставляли много всяких гаджетов для безопасного вождения, а еще освободилось место там, где раньше находился двигатель внутреннего сгорания. Постороннему трудно поверить, что здесь прямо в обшивке упрятаны «глок», автомат «вал», винторез и даже по лаунчеру с каждого бока.

Она поглядывала на меня искоса, наконец поинтересовалась:

– Ты как?

– В сомнениях, – ответил я.

– Понимаю, – сказала она. – Еще как понимаю.

Я сказал со вздохом:

– С выявлением похитителя гранта нам просто повезло. Не только мы растяпы в этом деле, но и похитители... гм... один достаточно умелый микробиолог, но вор из него хреновый, другие – профессионалы совсем не в таких делах. Да, умеют десантироваться ночью на крыши казарм с террористами, но такое умение слабовато помогает раскрывать настоящие загадки, а их в жизни все больше и больше. Сама жизнь – загадка, не знала?

Она буркнула:

– Не задумывалась. Хочешь сказать, в другой раз можем столкнуться с настоящими профессионалами?

Я переспросил:

– Мы?

– Разве мы не вместе?

– Разве в те моменты, – сказал я, – когда будешь мне спинку чесать. Не «если», а «когда». Насколько я понял, мне предстоит всего лишь разговор с очень умным, как сказал твой начальник, человеком. А так как у вас там собственных умных даже начинать искать не стоит, то решили обратиться к доктору наук на стороне.

Она сказала с презрением:

– От скромности не умрешь!.. Даже экземы не будет.

– Жаль?

– Еще как! Вообще-то я раньше докторов наук представляла иначе.

– А я представлял иначе силовиков, – сообщил я. – Без сисек. Даже у тебя их сперва не увидел, помнишь? Так что квиты. Вообще-то мне рекомендован полный отдых... Никакой мозговой деятельности. А раз так, то вполне могу помогать в ваших расследованиях.

Она покосилась с заметным подозрением.

– Звучит как-то не очень... лестно.

– А что? – удивился я. – Вы же силовые структуры! У вас пистолеты и дубинки, зачем еще и...

Я умолк, она закончила саркастически:

– ...мозги? Нам мозги совсем не нужны? Совсем-совсем?

Я сказал примирительно:

– Без обид, я не хотел сказать, что силовым структурам мозги не нужны совсем.

– Ну-ну?

– Иначе вы бы и ложкой не умели пользоваться, – пояснил я, – и штаны бы надеть не удалось.

Она сказала с едкой ноткой:

– А кто сказал, что умеем ложкой? Нет, прямо из мисок хлебаем. А кто-то и вовсе лакает. И штаны нам надевает целый штат санитаров... Свинья ты распоследняя!

Руль крутнула с такой силой, что инерция едва не расплющила меня о стенку автомобиля, все-таки гравитация в девять с хвостиком великовата. Когда у нас будет выбор, предпочту планету с гравитацией в семь, влажностью поменьше, давлением... хотя вообще-то сингуляру все эти мелочи будут по фигу.

Автомобиль скрипнул тормозами и замер перед подъездом старинного вида здания с колоннами, портиком и лепными фигурками по бокам и над дверью. Да и сама дверь хоть и металлическая, но сверху донизу покрыта барельефами сценок на мифологические темы.

– Фух, – сказал я с облегчением, – а я думал, заложила такой поворот, чтобы от меня избавиться.

Она смерила меня презрительным взглядом.

– Ты все еще такой нежный?

– А то!

– Но бицуха вроде бы стала толще.

– Моя бицуха в мозгах, – напомнил я. – Я интеллектуал, мать вашу. Эстет. Культуролог нового поколения, который старую культуру похоронит, а новую не заведет ввиду ее ненужности.

Она вышла молча, даже не изволив возмутиться такой наглостью, что вовсе не наглость, если подумать. Сингулярность уже рядом, как сказал Курцвейл, но люди предпочитают жить во вчерашнем дне и полагать, что и завтра будет то же самое, только «лучше», а лучше для них, когда морды шире.

Я захлопнул за собой дверцу, и автомобиль всего лишь чуть отодвинулся, даже не подумав искать стоянку. Впрочем, если это то самое управление, о котором думаю, то все должно быть наготове и близко.

– Какой памятник старины испохабили, – сказал я скорбно. – Этот дворец для своей любовницы, балерины Императорского театра, построил промышленник Юрий Староконюший!.. Он сразу стал достопримечательностью...

Она перебила:

– А сейчас ты скажешь, что здесь бывали в гостях у балерины Комиссаржевской Репин, Чехов, Толстой и даже Чайковский?

– Кроме Чайковского, – согласился я. – Он не бывал, так как был в контрах с Репиным, а тот отсюда не вылезал... Зато бывал Мусоргский. И, кстати, Комиссаржевская не балерина, а хорошая такая актриса Малого Императорского театра.

– Гад, – сказала она в сердцах, – сколько же мусора в головах у людей!.. А еще доктор наук! Вот куда уходят народные деньги... Иди быстрее, не рассматривай!

Я поднялся на крыльцо, она идет сзади, как конвоир, контролируя каждое мое движение, вдруг упаду в обморок от излишней волнительности, ученые все такие нервные,

пугливые.

Дверь Ингрид сама распахнула для меня, доказывая, что доминант здесь она, а я субдоминант, хоть и вроде бы самец, но это в координатах старого времени с его завышенными оценками роли мужчин в обществе.

Я пробормотал:

– А эту дверь поставили всего двенадцать лет назад, сохранив рисунки и стиль оружейных дел мастера Уварова, который изготовил ее в рекордно короткие сроки.

Она пихнула меня в спину, я подумал, как веселятся ребята из секретной службы, наблюдая на мониторах ее бурное детское негодование.

– Теперь ваше управление здесь? – спросил я.

Она посмотрела на меня с подозрением.

– Будто не знаешь где! А здесь филиал. Один из.

– А остальные?

Она сказала с сарказмом:

– Вот так щас и скажу! А ты вдруг увешен госдеповскими микрофонами!.. А еще есть квартиры для конспиративных встреч, чтобы не засвечивать наших агентов под прикрытием. Шагай быстрее, каракатица!

В холле мужчина в приличном костюме посмотрел на меня цепким безразличным взглядом, углядев типичного ботаника, и больше не обращал внимания, как только заметил за моей спиной неотступно следующую Ингрид.

– Стоп, – велела она. – Не туда!.. Куда смотришь?.. Вверх по лестнице!

– Дикари, – сказал я с чувством. – Это у них вождь должен сидеть выше всех. Даже трон всегда ставили на помосте.

Она фыркнула.

– Можно подумать, ваш директор не под самой крышей!

– Я и говорю, – согласился я. – Дикари. Директор не ученый, а всего лишь администратор. Возможно, еще и у вас жалованье получает?

– Что-что?

– Ага, – сказал я с удовлетворением, – у тебя к таким тайнам нет допуска, понял!

– Не останавливайся.

– Я и говорю, что погоны у него... невидимые для нас?.. Ничего, придет сингулярность, мы вас всех...

Она прикрикнула:

– Ногами не останавливайся, а не языком!

На втором этаже прошли по короткому коридору, там наткнулись на парня в строгом костюме, но на дипломата похож не больше, чем я на балерину.

Ингрид кивнула ему, он посмотрел мимо нас, это что-то у них значит, а она открыла дверь в последнюю комнату, я не успел сдвинуться, как втолкнула вовнутрь.

Я остановился там, она бросила парню в костюме дипломата:

– Доложите Мещерскому о прибытии.

Он кивнул, пряча улыбку.

– Уже ждет.

Она повернулась к открытой двери, грозная и злая.

– Уже сел? Единственное, что делаешь быстро. Вставай! И не вздумай выкидывать свои шуточки.

Парень шагнул к соседней двери, вежливо открыл перед нами, а когда мы переступили порог, плотно закрыл следом.

Кабинет у Мещерского, который нас ждет, именно такой, каким я увидел через видеокамеры две минуты назад, когда входили в здание. Суровая простота обстановки и богатство компьютерной техники слежения, где на десятке экранов быстро сменяются картинки городской жизни.

Едва мы вошли, Мещерский переключил на официальные новости, но я продолжал видеть то, за чем он наблюдал, и не скажу, что понравился пристальный интерес к двум митингам либералов и националистов, что проходят слишком близко друг от друга. Насколько я знаю, места для подобных предприятий выбирает городская дума. И если в огромном городе они оказались так близко, то быть потехе на радость журналистам.

Вежливый и корректный, он улыбнулся достаточно радушно, чего не делал раньше, но здесь он хозяин и принимает не подчиненного, а человека, которого сам желает заполучить к себе. Не на службу, в его учреждение я не пойду и за миллиарды долларов, и он об этом должен догадываться, не совсем уж дурак, а насчет знатока психоаналитики как-то не очень верю, хотя совсем нетрудно порыться в его деле.

– Прошу вас, – сказал он и гостеприимным жестом указал на кресла у стола, – рад, что откликнулись так быстро.

– Ваш фельдфебель был очень настойчив, – ответил я, – и убедителен. Я имею в виду грант в сто миллионов долларов.

Он произнес сдержанно:

– Сразу быка за рога?.. Похвально для ученого. Да, наш капитан получил именно такие инструкции. Мы готовы предоставить миллион долларов... не вам, конечно, а вашей лаборатории. Он будет перечислен со счета одного из фондов, поддерживающих развитие науки. Разумеется, после того как дадите согласие на участие в операции и подпишете пункт о неразглашении.

– Что за операция? – спросил я.

Он помялся, а Ингрид сказала с укором:

– Разве я тебя когда-то подводила?

Я покачал головой.

– Простите, это несерьезно.

Мещерский сказал сдержанно:

– Вам не придется ни стрелять, ни прыгать с парашютом. Как я и говорил, нужно всего лишь то, что вы умеете... поговорить с доктором наук, крупным ученым и уговорить его не разглашать некоторые тайны, которые он знает.

– А что, – спросил я, – он готов что-то разгласить?

Он кивнул.

– Да.

– Но может, – спросил я, – разглашение как раз и есть лучший вариант?

Он посмотрел на меня в упор, я рассмотрел наконец упрятанную в его глазах усталость.

– Вы ученый... и работаете в сравнительно благополучном мире. Подумайте, нужны ли вам потрясения, даже благополучные? Кстати, я вообще не верю в благополучные потрясения. А вы?

– Таких не бывает, – ответил я.

– Обнародование неких документов, – сказал он, – вызовет потрясения. В нашем

обществе... и даже за рубежом. А нам всем так важно сохранять мир и стабильность хотя бы в своих странах.

Я подумал, кивнул.

– Хорошо. Этот доктор наук здесь в Москве или нужно куда-то ехать?

Мещерский ответил чуть быстрее, явно начинает оживать:

– Это близко. На границе Московской области и Тульской. Вас доставят вертолетом. Не обижайтесь, но операция очень серьезная, хотя и кажется пустяком, потому за вами будет присматривать наш человек. Как вы догадались, Ингрид Волкова. У нее свои полномочия.

– Пустить мне пулю в затылок, – спросил я, – если она по своей капитанской мудрости решит, что нечто идет не так? Капитаны – это же светочи!

– Что вы, – сказал он и как-то злорадно заулыбался, – вы поедете как благополучная супружеская пара.

Я покосился на Ингрид, у нее на лице проступило изумление. Похоже, для нее это тоже новость.

Я сказал брезгливо:

– Она совершенно не в моем вкусе. Чтобы я женился на такой шпангистке? Никто в такое не поверит. Я что, похож на футбольного фаната?

– Нет, – согласился он, – но... это желательно для дела.

– Должна быть, – сказал я, – веская причина. Которую вам не отыскать.

– Например? – спросил он.

Я сдвинул плечами.

– Например, она должна быть баснословно богата.

Мещерский поинтересовался деловито:

– Насколько?

– Не знаю, – ответил я. – Вы же знаете, какая у меня месячная зарплата? Должна быть сумма, чтобы повергла... Учтите, доктор наук стоит дороже, чем кандидат, а то для вас все научные работники на одно лицо, будто мы из Китая.

Пока он раздумывал, я порылся в инете и не отыскал ничего похожего на диплом Мещерского Аркадия Валентиновича, да и сам Мещерский не существует, хотя есть Мещерский Аркадий Семенович, работник мукомольного завода, но это вроде бы не совсем то...

Ингрид сказала мне язвительно:

– А репутация?.. Не стыдно быть женатым на миллионах?

– Так будет хотя бы оправдание, – отрезал я. – Любой демократ и либерал меня поймет и одобрит. Еще и позавидует. Правозащитники вообще скажут, что их человек до мозга костей. У нас рынок или нет? Любой человек – товар. Да и госдеп одобрит.

Мещерский подумал, сказал с самым невозмутимым видом:

– Владимир Алексеевич прав. Сейчас что делается без одобрения госдепа? Но в России с ее остатками добропорядочности и моральных устоев... самым тяжким способом разбогатеть остается женитьба.

– Вот-вот, – согласился я.

– Сумма должна быть, – сказал он раздумывая, – где-то от десяти миллионов...

Он окинул Ингрид оценивающим взглядом, словно прикидывал, за сколько женился бы он сам, но то ли погоны полковника на откатах и так дают хороший доход, то ли решил, что за фамилию Мещерских могут дать больше.

– Десять? – сказал я. – За десять пусть на ней крокодил женится. Я еще не настолько низко пал. Сто!

Он снова посмотрел на Ингрид, как мясник на козу у входа на рынок.

– Сто многовато. Хотя я капитана Волкову ценю, но...

Я покачал головой.

– А в чем проблема? Да хоть двести, это же всего лишь прикрытие, а не реальные деньги!

Ингрид сказала обидчиво:

– Вы все врете! Я знаю ребят, счастливых жениться на мне хоть сейчас! Бесплатно. Напротив, у них самих хорошие деньги.

– Видите, – сказал я, – какой у нас народ со здоровыми вкусами? Любит здоровых людей!.. Главное – победить на чемпионате мира по штанге, а Интернет пусть изобретают другие!.. Те, кто всего лишь умный.

Ингрид обидчиво поджала губы, Мещерский сказал уже более деловым голосом:

– Ладно, сделаем. Вам будет даже позволено пользоваться вашим счетом.

– Ого!

– Разумеется, – уточнил он, – с объяснениями, куда, сколько и с какой целью. Но это нормальная практика в нашем мутно-прозрачном обществе, где люди под наблюдением поневоле становятся законопослушнее и даже нравственнее.

Ингрид сказала недовольно:

– Дело не в том, что мне должно быть обидно, но не слишком ли большие суммы озвучиваете?.. Как уже сказала, могу назвать имена людей, кто хоть сейчас вступит со мной в брак...

– Тоже штангисты? – спросил я. – А в самом деле, почему не привлечь то, что дешевле? Мышцы дешевле мозгов. И с каждым годом заметна тенденция, как говорят банкиры, к дальнейшему обесцениванию этой гладиаторскости. Если, конечно, не брать высшую лигу.

Мещерский сказал задумчиво:

– Проблему вашего личного счета решим.

– Как?

– Перекинем с одного счета на другой, сделаем все бумаги, свадебные снимки, счета за обеды в ресторанах...

Я посмотрел на него с сомнением.

– Вы серьезно?.. Такая легенда в самом деле что-то значит в нашем насквозь пролиберальном обществе?

Он развел руками.

– При всей свободе отношений в нынешнем свободном демократическом мире остается прослойка людей, что выступает за традиционные ценности. Их уже немного, однако...

– Однако что?

– Однако, – договорил он, – эти люди обычно занимают более привилегированное место

в обществе. Я имею в виду, наверху. Власти и средств в их руках неизмеримо больше в процентном отношении, если брать их мизерную численность. Потому, готовя вам легенду, мы их тоже принимаем во внимание. А остальному демократическому большинству, которое и так ничего не решает, все равно, в браке вы или нет, так что ваш имидж будет защищен со всех сторон.

Ингрид сидит злая и надутая, а я сказал в нетерпении:

– Хорошо-хорошо. Договорились. Вы как-то обеспечиваете моей лаборатории грант в размере миллиона долларов, а я поступаю в ваше распоряжение... на одно-единственное задание. Что случилось такое особое, что вы, отодвинув своих прыгающе-стреляющих суперменов, решили обратиться ко мне?

– Хорошо, – сказал он, – Ингрид, ты можешь пока выйти. А я этого товарища введу в курс дела.

В дверь стукнули, вошел в таком же элегантном костюме, только стального цвета, высокий и приятно улыбающийся мужчина, хорошо сложенный и с пропорциональной мускулатурой элитного гладиатора, которую не спрячешь даже под тканью костюма от Гриффина Бримли.

Не глядя в нашу с Ингрид сторону, спросил вежливо:

– Аркадий Валентинович... вызывали?

Ингрид прошла мимо него в коридор, а Мещерский сказал коротко:

– Да.

Дверь за Ингрид захлопнулась плотно, Мещерский выждал чуть и сказал в мою сторону ровным голосом:

– Это майор Бондаренко Ростислав Васильевич, заведующий общим отделом. Ему предстоит подготовить легенду для Ингрид и вас, Владимир Алексеевич. Семейная пара, пять лет в браке, она богатая наследница, вы женились как бы не ради денег, но стали обладателем пары контрольных пакетов где-нить... Ростислав Васильевич, подберите что-нить нейтральное, а на личный счет счастливого жениха должно капнуть два-три миллиона долларов.

Я напомнил:

– Договаривались о десяти! Иначе женитесь сами.

– Остальное в акциях, – напомнил он. – Солидные люди поступают именно так. А если все деньги на счет – это мечта бедняков.

Я буркнул:

– Ладно. Хотя я вообще-то и есть бедняк из бедняков.

– Бедность не порок, – сказал Мещерский, – хотя, конечно, наука голодать не должна.

– Но голодает, – сообщил я, – кстати, во всех странах.

Он вздохнул.

– Мы все еще не в идеальном мире... Словом, у нас назрела крайне щекотливая ситуация... в разрешении которой не помогут навыки спецназа, умение точно стрелять в темноте или прыгать по крышам. В общем, нужны люди, умеющие правильно оценить ситуацию.

Бондаренко подсказал тихонько:

– Оценить и принять решение.

– Ого, – сказал я. – А после «принять решение» что-то следует еще?... Выстрел в затылок, удавка на шею или удар ледорубом?

Они переглянулись, Мещерский поинтересовался с каким-то странным выражением:

– Почему именно ледорубом?

Я сдвинул плечами.

– Не знаю. Так, странная ассоциация. Возникла – и все тут. Поэтическая вольность. Не обращайтесь внимания.

Они переглянулись снова, Бондаренко промолчал, Мещерский проговорил с некоторой заминкой:

– Вы как будто мысли читаете... Нет-нет, никаких ледорубов, никаких убийств не требуется! Совсем наоборот. Мы крайне заинтересованы в жизни и здоровье некоего... товарища.

Бондаренко подсказал:

– Он крупный партийный деятель в недавнем, по меркам истории, прошлом. Член ЦК КПСС, кандидат в Политбюро КПСС, заведующий весьма важным отделом...

Я взглянул остро.

– А-а, так вот почему эта ассоциация с ледорубом?.. Странно, если вы не хотите его... рубануть, то при чем тут ледоруб?

Мещерский поморщился, а Бондаренко сказал терпеливо:

– Наверное, потому, что его хотят рубануть другие. Не обязательно ледорубом, но... вы очень чуткий человек, Владимир Алексеевич. Хотя оценили ситуацию неверно, но ощутили нечто эдакое, верно?

Я поинтересовался:

– Если вам нужно его всего лишь охранять, то что может быть проще? Поместить на правительственную дачу, поставить хорошую охрану... Как я понимаю, он человек пожилой, даже очень пожилой, никуда не ездит, разве что сидит в кресле-качалке на веранде и любит на закат...

Мещерский вздохнул.

– Вы все понимаете верно. Все так и есть. Конечно же, он находится в охраняемом месте. Но одна тонкость. Он узнал об угрозе своей жизни и напомнил нам, что в день его смерти начнется рассылка весьма важных документов.

Я уточнил:

– По инету?

– Да, – подтвердил он. – По емэйлам, скайпу, мессенджерам и прочему-прочему. Во все СМИ, всем лидерам... Электронная почта позволяет отправить миллионы писем в одну секунду, таково наше паршивое для работы секретных служб время.

– Оно дает и возможности, – напомнил я. – Инет можно отрубить, заглушить, да вообще сотни способов перекрыть кислород любой электронике.

Мещерский вздохнул.

– Как раз этого делать и нельзя.

– Прекращение связи, – спросил я, – вызывает рассылку автоматически?

Он кивнул.

– Да. Вы все понимаете с полупамятки. Программа «Мертвая рука». Надеюсь, капитан Волкова у вас чему-нить научится. Если этот человек перестанет подавать сигнал, останавливающий рассылку, будет катастрофа.

Я спросил внезапно:

– А эта легенда насчет крепкой семьи по пролетарскому образцу... это не для него ли

создается?

Он посмотрел на меня с интересом.

– Вы все схватываете чрезвычайно быстро. Да, хотя и в нашем руководстве предпочитают людей с крепкими моральными устоями, но еще больше на устойчивых семьях были зациклены в ЦК КПСС. И этот товарищ как раз из тех мамонтов.

– Гм...

– Обстановка непростая, – сказал он невесело. – Первое, у нас есть сигналы насчет раскачки ситуации. Кто-то не прочь вынудить его все-таки обнародовать документы. Для этого и были совершены два покушения...

– Ого!

Он отмахнулся.

– Да это были больше демонстративные, вынуждающие сделать шаг. Он и сделал. Хотя у нас есть предположения, что это был для него только повод.

– В смысле?

Бондаренко сказал, понизив голос:

– Он сам хочет обнародовать.

Я сказал медленно:

– Давайте попробую догадаться. Он потребовал, чтобы разобрались с этим... вопросом. А вы, не придя к единому решению, решили... попытаться привлечь меня, человека со стороны?

Мещерский развел руками.

– Ситуация уникальная. Раньше таких не возникало... да и не могло возникнуть. Но теперь мы видим, с нашими методами, пусть и получаем самую совершенную технику для расследований, все же иногда не успеваем своевременно реагировать на новые вызовы. Вы – доктор наук, блестящий ученый... такую характеристику вам дают в Центре биотехнологий, и только благодаря тому, что вы мыслите несколько иначе, чем наши сыщики, вы сумели отыскать те двадцать украденных миллионов.

Я усмехнулся.

– Потому что их украл кандидат наук, а не мелкий воришка с улицы.

– Вот-вот, – сказал он, пропуская мимо ушей намек, что им под силу ловить только мелких воришек, – нужен новый подход, новый взгляд, новая концепция.

Я поинтересовался:

– А можно узнать, что же за такие тайны этот престарелый член партийной элиты хранит и лелеет?

Они снова переглянулись, Мещерский сказал мягко:

– Это, как вы понимаете, тайна. Но раз уж вы взялись за эту проблему... а вы точно взялись?.. то вам все будет открыто... как бы поневоле. Потому сядьте поудобнее, нам сейчас принесут кофе и булочки, я расскажу все подробно.

Наш разговор, как понимаю, мониторится, и вообще все пишется по крайней мере с трех камер, ага, вижу, что-то горблюсь, надо плечи чуть раздвинуть, и лицо у меня несколько испуганное, с чего бы...

Дверь приоткрылась, пропуская в кабинет женщину с подносом в руках, три большие чашки, молодцы, не люблю это выпендривание псевдоэстетов, что пьют из наперстков, а еще там широкое блюдо с булочками и печеньем.

Она быстро расставила перед нами чашки, я уловил от нее аромат духов «Эстерелла», руки сильные, чувствую железную хватку даже по тому, как взяла и красиво опустила на середину стола блюдо с булочками и сладостями.

Судя по ее точному взгляду, за мгновение осмотрела меня и дала оценку, которую, увы, не вижу в ее мозгу, но это нетрудно высчитать почти со стопроцентной достоверностью по ее вроде бы неподвижно приветливому лицу, жестам, движениям, едва заметному сдвигу лицевых мускулов.

– Спасибо, – сказал Мещерский.

Бондаренко кивнул, я тоже промолчал, только проводил ее взглядом. Девушка примерно в звании лейтенанта, кофе и булочки внесла в самом деле без явного заказа, точно следят за каждым нашим словом и движением. Здесь такое место, что шпионят друг за другом и считают это нормой, в таких местах все помешаны на сохранении государственных тайн.

Я мерно отхлебывал кофе, в самом деле хорош, толк знают, во всех кофейнях мира побывали, восточные сласти тоже вполне, надо и у нас в лаборатории такие же, а то бесконечные бутерброды уже чересчур, будто у нас в самом деле фантазия заканчивается на митохондриях.

– Итак? – сказал я.

Бондаренко задержал чашку у рта, взглянул на меня в упор через фарфоровый край.

– Мы вам рассказываем все очень подробно, – произнес он замедленно и тяжеловесно, – потому что вы... человек науки. Не руководствуетесь лозунгами, энтузиазмом и прочими не имеющими к делу вещами. Я просто уверен, что примете нашу точку зрения.

Мещерский уточнил с самым хмурым видом:

– Только учтите, нет такой вещи, как наша точка зрения. Мы и сейчас оцениваем... каждый по-своему. Но так как мы тоже ученые... ну, не в общепринятом смысле, еще как ученые, то все еще не поубивали друг друга.

– Я думал, – проронил я, – у вас дисциплина.

– Она есть, – ответил Мещерский, – и она строгая. Но это после принятия решения. А его еще не приняли. Надеюсь, примем после вашего доклада.

– Сейчас тот случай, – вставил Бондаренко, – когда политики готовы прислушаться к мнению ученых.

– Редкостный случай, – пробормотал я.

– Разве, – ответил он, – не во всех странах так?..

– Польщен, – пробормотал я с некоторой тревогой. – Надо было запрашивать больше... Ладно, я готов слушать.

Мещерский сказал деловым тоном:

– Итак, вы получили допуск, подписали о неразглашении и прошли все прочие формальности. Да-да, сейчас нас мониторят и докладывают о ваших реакциях. Рад, что вы приняли окончательное и бесповоротное решение, теперь могу посвятить вас в наши сложности.

– Да-да, я уже скрестил пальцы.

Он сказал, морщась:

– Стельмах Валентин Афанасьевич, так зовут нашего последнего из ЦК КПСС, утверждает, что СССР развалили не США. Что США как раз больше всех были заинтересованы в сохранении советской власти, так как под властью коммунистов Россия постепенно слабела, а США наращивали преимущество.

Я спросил, чуточку прибалдев:

– А кто же развалил...

– КГБ, – ответил он с огромной неохотой. – Стельмах утверждает, что это была тщательно спланированная и продуманная во всех деталях операция, которую КГБ осуществил просто ювелирно.

Я пробормотал:

– Но это же бред!.. И пусть утверждает... Ему сколько лет? Девяносто? Так у него уже старческая деменция!

Бондаренко помалкивал, а Мещерский тяжело вздохнул.

– Он абсолютно здоров. Практически все члены Политбюро ЦК КПСС еще в те далекие времена доживали как минимум до девяноста годков, а многие и больше. А сейчас тем более... Но дело не в этом. По нашим сведениям, у него есть какие-то документы, которые он намерен опубликовать. Или просто обнародовать. Сейчас с этим просто, черт бы побрал эти технологии! Достаточно выложить в Сеть, мигом разлетится по всему миру.

Я сказал медленно:

– Простите, но разве Стельмах был членом Политбюро? Такой фамилии нет даже среди кандидатов в члены.

Они переглянулись, Можайский поинтересовался вежливо:

– А вы откуда знаете?

– У нашего ректора, – сообщил я, – в кабинете висели портреты членов Политбюро. Он даже потом в КИРФ не восхотел вступать, заявил гордо, что все еще член КПСС... Хотя, думаю, это была просто бравада и ностальгия.

Можайский сказал с уважением:

– У вас хорошая память.

– Спасибо, – ответил я.

– Действительно, – произнес он, – Стельмаха в списках Политбюро нет. И никогда не было.

Я сказал живо:

– А-а, под программой защиты?.. Придумана другая биография?

Он ответил с неохотой:

– Его настоящая фамилия не Стельмах, понятно, но программой защиты и не пахнет. Она для людей попроще, а это один из тех, на плечах которого держалась система. У них все особое.

– Как и сейчас, – добавил Бондаренко.

Можайский с чашкой в руке поднялся, прошелся по кабинету. Бондаренко тоже застыл в размышлениях, опустил чашку на стол, а Мещерский некоторое время смотрел в окно, медленно отхлебывал кофе.

– Хорошо, – сказал он, не поворачиваясь. – Ростислав Васильевич, распорядитесь. Вертолет, снаряжение и... все остальное. Предупредите встречающих... А вам, Владимир Алексеевич, рекомендую пока заскочить в нашу столовую на втором этаже. Ваша напарница покажет. Заодно убедитесь, что не шикуюем. Вылет через полчаса.

Ингрид ждала в конце коридора, чуть присев на подоконник, увидела, соскочила. За моей спиной хлопнула дверь, я не оборачивался, это вышел майор Бондаренко.

До Ингрид оставалось несколько шагов, когда он догнал меня и сказал властно:

– Товарищ Волкова подождет еще пару минут, а я дам пару советов на дорогу...

– Но мы же с нею напарники? – спросил я.

Он кивнул.

– Но старший вы. Вам отвечать за успех операции. Сюда, в эту комнату.

Похоже, это его кабинет, чувствуется некая бондаренковскость, занимает его уже не первый день, обжил.

Я вежливо остановился у порога, он прошел к креслу по ту сторону большого канцелярского стола, кивнул на стул напротив.

– Присядьте, Владимир Алексеевич. Я не задержу вас надолго.

Я сел, ответил сдержанно:

– Слушаю вас.

– Я рад, – сказал он, – что у вас все в порядке.

– У меня и было в порядке, – ответил я вежливо.

Он криво усмехнулся.

– Ученые чувствительны к словам... Я имел в виду, в порядке, что все поняли, приняли, согласились, понимаете, о чем речь?

– Да, – ответил я. – Полковник Мещерский, как вы слышали, ввел меня в курс дела.

Он поморщился.

– Да-да, ввел, но слишком вкратце. Я предпочел бы, чтобы вы знали больше. К тому же у нас с ним несколько разные точки зрения на то, что произошло, но, смею уверить, моя более точная.

Я поддакнул:

– Еще бы! Вы же майор, а он уже полковник. Мы же чем моложе и ниже по званию, тем умнее, верно?

Он взглянул остро.

– Что, по мне видно, как заношусь? Впрочем, это неважно. Моя точка зрения зиждется на том, что я больше знаю. У меня допуск к секретной информации хоть и не шире, но к этой – полный, анализировать я тоже умею. Я не хочу сказать, что полковник ошибается, но у него масса и других дел...

– Как и везде, – согласился я. – Чем выше пост, тем шире поле деятельности. Генерал вообще видит лес, а не деревья.

Он кивнул, лицо чуть потеплело.

– Вы совершенно правы. Тот человек, к которому вас направляем, как вы уже слышали, академик, доктор наук, автор очень примечательных работ мирового уровня. Еще он крупный партийный деятель. Член ЦК КССС, кандидат в члены Политбюро КПСС, заведующий весьма важным отделом... Это вы уже знаете. Осталось добавить только, что он был одним из той инициативной группы, что продумала детальный план роспуска Советского Союза.

– Ого, – сказал я.

Он спросил остро:

– Что вас задело?

– Слово «ропуск», – пояснил я. – Не развал, а ропуск.

Он кивнул.

– Вы реагируете очень быстро. Это хорошо. Именно в этом и дело. Идею о ропуске СССР начали вынашивать в середине правления Брежнева, когда тот еще был силен и бодр. Именно тогда начали медленно подбирать людей, прорабатывать детальные планы... Все-таки у нас не Латвия какая-нибудь, что хоть по численности, хоть по размерам мельче любого из районов не только Москвы, но уже и Перми. Приходилось иметь дело с множеством разнонаправленных факторов, и было видно, что обязательно чем-то придется жертвовать.

Я пробормотал несколько ошалело:

– Признаться, я не думал, что... что это была наша инициатива. Все-таки вся пресса, наша и госдеповская, да вообще весь мир трубит о том, как Запад эффектно победил и завалил такого слона.

– Первые публикации сделали наши люди, – сообщил он. – Там и здесь. Правда, некоторые за океаном, кто поумнее, ошалели от такой неожиданной победы. ЦРУ вообще заявило, что оно ни сном ни духом. По его прикидкам, нашей стране ничто не грозило ближайшие десятилетия, но им самим заткнули рты свои же восторженные политики, что поспешили приписать победу себе, своей мудрости, мужеству и дальновидности... словом, вы знаете, что они все говорят в подобных случаях.

– Гм, – сказал я, – да, это ударило даже по моим мозгам.

– Это потому, – заверил он, – что вы о политике вообще не задумывались. Вы ученый! Потому все, что не касается вашей нейрофизиологии, принимаете на веру. Либо вообще не обращаете внимания.

– А почему, – спросил я осторожно, – было принято такое решение? Если, конечно, вы в курсе.

Он пробормотал:

– Конечно, в курсе. Вообще-то это можно было сделать еще во времена Хрущева, такие идеи возникали, но мы же такие, пока жареный петух не клюнет... Да и нужно все-таки, чтобы созрело и общество, и часть элпээров...

– Элпээры? – переспросил я.

Он кивнул.

– Так тогда называли лиц, принимающих решения. ЛПР!.. Директор предприятия был на виду, а рулил на самом деле секретарь райкома. И так на разных уровнях. КГБ окончательно пришел к идее ропуска СССР еще в начале эры Брежнева. Уже тогда было видно, что идея на сознательность людей дала серьезную трещину. Человек может быть сознательным и правильным какое-то время, но не всю жизнь.

Я спросил:

– Так почему же тогда...

Он вздохнул и развел руками.

– Почему не отказались от идеи коммунизма еще тогда? Вы не поверите, об этом не говорят... да и раньше не говорили, но для всего мира, для всей цивилизации это было бы слишком большим потрясением. Коммунизм в то время был самой чистой, светлой и благороднейшей идеей. Очевидно, как человек молодой, вы даже не знаете, что во всех цивилизованных странах мира были мощные Коммунистические партии? Они были и в

нецивилизованных тоже, но самые сильные в Германии, Франции, Испании и прочей Европе, а за океаном – в США. Там вообще настолько боялись Коммунистической партии США, что в нарушение всяческих демократических принципов добились ее запрета, тогда еще была создана сенатская комиссия Маккарти, что проверяла всех граждан Америки на принадлежность к Коммунистической партии и тут же лишала таких всех постов, изгоняла с работы...

Я обронил:

– У Гитлера самым опасным конкурентом была Коммунистическая партия Германии. Ее удалось обойти только благодаря тому, что Гитлер сделал ставку на самое примитивное в человеке: национализм. Все-таки в любом обществе примитивных людей больше, чем воодушевленных светлыми идеями.

Он взглянул на меня благосклонно.

– Вот-вот. И все смотрели с надеждой на СССР, где коммунизм победил и строит справедливое общество для всех людей мира, а не только для русских. Как... скажите, как все это обрушить?.. Все лучшие люди мира, самые честные и совестливые стремились помочь нашей стране!.. Таких были тысячи и тысячи, кто, рискуя жизнями, делал все для того, чтобы СССР жил и строил самое правильное общество будущего!.. И вот представьте себе, правительство СССР принимает решение отказаться от строительства коммунизма...

– Не представляю, – сказал я искренне.

Он кивнул.

– Именно. Это вызвало бы потрясение во всем мире. В первую очередь среди тех, кто смотрел на СССР с надеждой и верой, кто сочувствовал и в меру сил старался помочь, пусть даже протестами и митингами в своих странах. Для них это было бы... как грязным молотом по хрустальной посуде!

– Я это могу представить, – пробормотал я.

– Потому, – сказал он невесело, – еще несколько лет искали пути не столь болезненного выхода из нарастающего кризиса. Одновременно усиливались нехорошие тенденции в демографии, что становилось все тревожнее. Подготовка к отсоединению шла давно. Помню, однажды запустили в печать статистику, в которой указывалось, что среднеазиатские фрукты в десять раз выше по стоимости на базарах, чем белорусская картошка, что принималось как данное, но цифры убедительно доказывали, что себестоимость такая же точно один в один, картошку выращивать ничуть не легче, а то и труднее, чем мандарины, персики, алычу, гранаты и прочую как бы экзотику.

Он умолк, глядя на меня вопрошающе, я понял, что нужно что-то сказать, проговорил осторожно:

– Да, теперь я это знаю. Но тогда, наверное, люди впервые начали спрашивать, почему килограмм мандаринов стоит в двадцать раз дороже килограмма картошки?

– Вот-вот, – сказал он со сдерживаемым жаром. – Потом очень осторожно начали доводить до их сознания мысль, что среднеазиатские регионы, как и весь Кавказ, всегда были дотационными регионами и до сих пор висят тяжелым грузом на шее России. Но, обиднее всего, как раз дотационные регионы и кричали больше всего, что Москва их объедает и что без проклятых русских у них был бы рай!

Я невесело усмехнулся.

– Только из-за этого и стоило распустить Советский Союз.

Он посмотрел на меня внимательно.

– А вы, как ни странно, угадали. Нет, это была не единственная причина, но достаточно весомая. Нелегко всю жизнь слышать оскорбления, что живешь за чужой счет, особенно когда сам кормишь оскорбляющего!.. Это тоже был весомый камешек на чашу весов. Не экономический, но очень весомый, так как сильно ранил чувство справедливости.

– Понимаю, – проронил я.

– Вот так постепенно, – сказал он, – подготовили и сам народ. Дескать, ломка будет достаточно болезненная, но зато потом Россия выйдет из нее сильной, без гирь на ногах. А те, кто кричал, что кормят Москву, пусть попробуют хотя бы себя накормить...

Я сказал осторожно:

– Звучит достаточно убедительно.

Он усмехнулся.

– Дело не только в убедительности происходящего. У меня тоже сохранились кое-какие материалы по подготовке к роспуску Советского Союза и отсоединению социалистических республик. Для этого КГБ тайком поддерживал рост национального самосознания, так это говорится, хотя на самом деле это были всего лишь отмороженные националисты, но они постепенно входили в силу. И когда Советский Союз как бы распался, националисты уже были готовы начинать строить свое государство в каждой из республик.

Я поморщился.

– Но это не лучший вариант.

– Других не было, – заверил он. – Нужна была простая, понятная объединяющая сила. Национализм понятен интеллектуалам и простому народу в равной мере! Нельзя было строить новое государство ни на коммунистическом наследии, ни на западном... которого еще не было. Кроме националистов никто не брался! Потому сейчас я вас отпускаю в столовую, а то Волкова заждалась, а затем сразу и вылетайте.

Я поднялся, поинтересовался:

– Не автомобилем? Тут же близко?

– Вертолетом быстрее, – ответил он без улыбки. – Вы же ученый, секунды бережете?

– Вы не представляете, – ответил я с чувством, – как они бездарно тратятся!

Он поднялся, собрал в папку бумаги, я ждал, он взглянул мне в глаза строго и требовательно.

– Надеюсь, обстановку оцените быстро и правильно. Мы доверяем вашему решению.

– Ой, – сказал я с опаской, – а можно как-то иначе? Я, бывает, сам себе не доверяю. Да и вообще, это же значит, мне и нести ответственность?

– Не любите? – спросил он понимающе.

– Не выношу, – признался я.

Он вздохнул.

– А кто из нас любит?.. Но раскрою вам страшную тайну, если не мы, то кто? Уже не в стране, в мире кадровый голод. Жизнь усложнилась резко, и вдруг стало недоставать людей, которые... могут. Все хотят отдыхать, наслаждаться жизнью, ни хрена не делать... Так что действуйте, Вольдемар.

Я вскинул брови.

– Что, посмотрели мой ник?

– И ваших персов, – сообщил он. – Играете редко, но очень... продуманно. Ваш характер как на ладони. Ингрид на вас злится, чувствует ваше превосходство, хотя вы им не козыряете, но она человек военный, подчиняться будет беспрекословно.

– Ей даны такие инструкции?

– Достаточно вас назначить старшим в группе, – ответил он.

Ингрид при виде меня, выходящего из кабинета Бондаренко, быстро пошла навстречу, вздернутая, чуточку обиженная и настороженная.

– Ну что?

– Получены последние инструкции, – сообщил я. – Командую я во всем и везде, ты моя рабыня. Во всех действиях, кроме секса, даю тебе свободу, как Стенька Разин простому и даже очень простому народу с его придавленными Фрейдом инстинктами. Где тут ваша королевская столовая?

Она критически оглядела меня с ног до головы и обратно.

– Ожил... А я когда вошла в лабораторию, ты вроде бы жрал?

– Мышек кормил, – пояснил я. – А сейчас ты моя мышка. Заодно и сам покушаю немножко.

– Знаю твои немножко, – буркнула она. – Но ты уже не тот хилак, это заметно. Хотя еще и не человек.

Столовая никакая не столовая, а крохотное помещение с тремя столиками, хотя, как понимаю, в таком здании их около десятка, но сделано уединенно намеренно то ли в условиях секретности, то ли еще почему-то.

Ингрид заказала полноценный обед, я предпочел вместо первого блюда два вторых и с удовольствием резал и пожирал сочные бифштексы, пока она работала ложкой.

– Они что, – поинтересовался я, – в самом деле считают нас командой?

Она покачала головой.

– Нет.

– А что?

– Тебя считают, – сообщила она с мрачной иронией. – А меня присобачили разве что... как телохранителя?

– Как надзирателя, – уточнил я. – Все-таки ты доверенный у них человек. А я все еще темная лошадка.

– И слишком независим, – согласилась она. – Сам понимаешь, в силовых структурах не может быть независимых исполнителей.

– А я исполнитель?

Она замялась с ответом, то ли опасаясь меня обидеть, то ли еще сама не до конца поняла мою роль.

– Да... но не только. Похоже, у тебя роль исследователя... Или нет, судьи! Ты должен что-то решить.

– Ни фиги себе, – ответил я с тревогой. – Этого мне еще недоставало! Почему я?

– Мнения наверху разделились, – ответила она. – Потому от твоего решения будет зависеть, как поступить. Передай соль.

Я подвинул ей стеклянную коробочку, хотя и сама могла бы дотянуться, но такая просьба что-то значит или о чем-то говорит, не знаю, да и знать такое не изволю, и так слишком много всякой хрени в череп стучится, сколько ни ставь фильтры, все равно протискивается, обдирая бока.

С обедом я закончил первым, Ингрид тут же торопливо доглотала горячий кофе и поднялась.

– Пойдем! Пора.

Заинтересованный, я пошел следом, здание очень интересное, здесь столько электроники, проводов в стенах и даже толстых кабелей, что сразу и не сообразишь, для чего все это, а Ингрид быстро сбежала по ступенькам вниз, дальше по коридору, в конце открыла незаметную дверь.

Вспыхнул свет, я рассмотрел уходящие вниз ступеньки. Она толкнула в спину, я невольно сделал пару шагов вниз, услышал, как сзади защелкнулись замки.

– Готика, – сказал я с чувством. – Мрачные подвалы... Камеры пыток где-то здесь? Поблизости?

– Не болтай, – бросила она.

– Госдеп подслушивает?

Ступеньки привели в неглубокий тоннель, просторный и хорошо освещенный. Чувствуется, пользуются им часто: чисто, воздух свежий, вентиляторы и очистители работают исправно.

Если сосредоточиться, то могу даже сказать, сколько человек прошло здесь за последние трое суток, но эта информация ничего не даст ни мне, ни отечеству, кроме головной боли от перенапряжения, а я на службе ГРУ предпочел бы получить миллион долларов без напряжения. Не потому, что ленив или так уж берегу себя, а как-то стыдно напрягаться на службе у власти, тем более, выполняя задание самого репрессивного ее органа, я же все-таки либерал недодавленный, обязан быть в оппозиции, и если власть говорит, что дважды два равняется четырем, должен кричать, что семь или двенадцать, а то и вовсе насчет стеариновой свечи.

Тоннель, как я понял, идет под шоссеиной дорогой к высотному зданию на той стороне улицы, так что когда в конце тоннеля показались снова ступеньки, но уже вверх, я понимал, где мы находимся.

Ингрид все время шла впереди, в руке смартфон, время от времени водит кончиком пальца. Я не то чтобы очень уж любопытный, но, как в том детском журнале с характерным названием «Хочу все знать!», предпочитаю действительно знать, что происходит вокруг меня и может коснуться моей драгоценной персоны.

Да и вообще в нашем открытом и прозрачном обществе уже исчезли даже такие, казалось, незыблемые устои, как запрет на подслушивание, подсматривание и чтение чужих писем.

Сперва за нами подслушивали и подсматривали власти, читая наши письма и даже эсэмэски, а теперь уже и мы свободны от этих старорежимных оков, сковывающих наши гражданские права, свободы и возжелания.

Она остановилась перед дверью, прислушалась. Я выждал чуть, спросил с интересом:

– Чё стоим?

Она приложила палец к губам. За дверью с той стороны послышался легкий приближающийся шум. Ингрид выждала, когда он оборвется, толкнула дверь.

Мы шагнули с боковой стороны в кабинку, как понимаю, самого обыкновенного лифта. Ингрид тут же нажала кнопку, кабинка быстро понеслась наверх.

– Удобно, – заметил я. – А как местные?

Она пожала плечами.

– А что местные?.. Иногда человек спускается, а потом вспоминает, что забыл в квартире на столе ключи от машины.

– Ну?

– А ты ни разу не видел, – сказала она саркастически, – как опускающийся лифт вдруг останавливается и, не открывая двери, устремляется снова вверх?

– А изнутри, – сказал я, осматриваясь, – дверцу лифта так просто не открыть? Я бы открыл.

– Ты бы да, – ответила она недовольно, – но в доме простые жильцы, что либо спешат на службу, либо вечером домой.

– Неплохо замаскировали, – согласился я. – Мало ли какие приборы и силовые установки в стенках, но интеллигентных людей проблемы сантехников и лифтеров не интересуют, верно?

– Но ты же не сантехник?

– Все мы в этом мире сантехники, – ответил я.

Лифт домчал до последнего этажа, Ингрид мигом выскочила и повела к лестнице, а там через два пролета мы поднялись на плоскую крышу.

– Запаздывают, – проворчала она.

– Вон летит, – возразил я.

Она поджала губы.

– Он должен был коснуться колесами крыши в тот момент, когда мы появились на ней!..

– Непорядок, – согласился я. – Дисциплинка хромает. То ли было при Иосифе Виссарионовиче...

Она поджала губы еще сильнее, еще не зная, как реагировать, хоть и говорю очень серьезно, но трудно представить ученых, поддерживающих авторитарный строй, что делил науку на свою и чужую.

Хлопнула металлическая дверь, я не стал оглядываться, через телекамеры видел, как Бондаренко поднимается по лестнице, а теперь вышел на крышу и топает к нам.

Ингрид развернулась, я услышал ее удивленный голос:

– Ростислав Васильевич?

– Вышел вас проводить, – сообщил он. – Дело абсолютно непривычное, потому даже Мещерский в замешательстве. Ингрид, не кляни пилотов, я уже вижу... Это я велел им на пять минут позже, чтобы я успел сказать вам на дорогу пару слов.

Она смолчала, а я спросил:

– Простите, я человек науки, в политике совсем дикарь. Почему так важно сохранить это в тайне? Для меня такое, простите, как-то диковато. Мы, люди науки, напротив, стараемся раскрыть тайны природы...

Он невесело усмехнулся, развел руками.

– Хороший вопрос. И нет ответа такого вот четкого, однозначного. Природа человека сложнее окружающей природы, а природа человеческих отношений так и вовсе... Некоторые наши говорят, что хрен с ним, пусть разоблачает. И времени уже прошло много, и, самое главное, народ увидит, что все было не так ужасно, как подается в прессе... хоть нашей, хоть госдеповской...

Я уточнил:

– Что, госдеповская и наша освещают одинаково?

Он кивнул.

– В точности.

– Почему?

Он сдвинул плечами.

– Интересы противоположные, но здесь совпадают. Конечно, нам хочется дать госдепу по рогам и сообщить ошеломляющую правду, пусть умоются...

– Ну-ну?

– С другой стороны, – ответил он невесело, – наше руководство и вся наша политика могут приобрести некоторый зловещий облик... Пугающий даже.

– Злокозненный, – пробормотал я. – Да, верно...

Он возразил с некоторой горячностью:

– А надо ли, когда во всех странах подают свою как прозрачную и абсолютно предсказуемую для любого человека? Хотя, как вы знаете, это совсем не так. Потому лучше промолчать, что это была самая масштабная спецоперация КГБ.

Я проговорил с некоторой растерянностью:

– Только сейчас начинаю понимать сложность того, что надо мне сделать... Хотя никакой злокозненности не было, но подготовиться, да, пришлось вам тайно, чтобы не сеять паники... Но все равно это бьет по мозгам. В народе считается, что именно КГБ охранял СССР...

Он кивнул.

– Академик Сахаров часто говорил, что в СССР осталась только одна абсолютно некоррупцированная структура, это КГБ. Эти слова даже «Голос Америки» несколько раз повторил в передачах на СССР, а потом и Би-би-си, но там был сделан акцент на том, что все остальное было коррумпировано. Это, конечно, ложь.

– Коррупции не было?

Он поморщился.

– Коррупция на уровне комиссионного магазина была, но не в верхах, как теперь. Суслов, серый кардинал Кремля, самый влиятельный человек Политбюро, всю жизнь прожил в однокомнатной квартире! Ни у кого не было дворцов, даже дети высших иерархов партии не пользовались привилегиями. Дети Сталина носили фамилию Джугашвили, а Микоян, когда его сын еще в детстве начал козырять, что его отец – член Политбюро ЦК КПСС, собственноручно избил его и сказал: «Это я Микоян, а ты пока еще никто!» Это к тому, что не было и намека на нынешнюю коррупцию, что уже и не скрывается... Тем более, немислимым было такое чудовищное хамство, чтобы приемный сын взял себе в фамилию литературный псевдоним известного в партийных кругах писателя, что позволило сделать карьеру ему, а потом еще и внуку.

Ингрид завозилась беспокойно, он взглянул на нее и сдержанно улыбнулся.

– Да-да, я отвлекся. Просто задело за живое. Распускать в открытую было нельзя, это сразу было бы подано еще тогда, что мы кинули своих братьев по Союзу! Потому вроде бы лучше сделать вид, что нас победили, разрушили Союз, и теперь это госдеп виноват в том, что происходит на Украине, в Прибалтике и вообще во всех бывших республиках СССР! Как, впрочем, оно и есть на самом деле.

Ингрид молча поглядывает то на Бондаренко, то на меня круглыми непонимающими глазами, и теперь вижу, что это просто сильная и волевая женщина, умеющая принимать быстрые тактические решения, но абсолютно не способная на стратегическое видение и мышление.

– Сложный выбор, – сказал я. – Это нечестно, я не могу решать такие вопросы.

Бондаренко сказал с горечью:

– Но теперь видите, у нас в Управлении нет общей точки зрения даже в своем узком кругу! Так что с Богом или как угодно, но постарайтесь как-то понять эту проблему и дать нам четкий и ясный доклад. Вы та песчинка или крохотный камешек, что склонит чашу весов в ту или другую сторону.

Над головой нарастал грохот, вертолет завис над серединой площадки, свирепый ветер от стремительно вращающегося винта прижал нас к стене.

Я зябко передернул плечами, это не вертолет, а его скелет: только пол и крыша с винтом, а вместо стен пара металлических прутьев, даже сзади нет двери, а огромный проем.

Полозья коснулись бетона, винт сразу начал вращаться медленнее, грохот утих, как и ветер.

Бондаренко сказал уже другим тоном, подбадривающим:

– К счастью, вам не придется ни стрелять, ни драться. Вообще ничего... из силового. А если вдруг, то на это там охрана. Хорошая охрана. Как последний ресурс – Ингрид Волкова, она участник боевых операций в арабских странах, везде проявила себя достойно.

Я подумал, кивнул.

– Это хорошо, что мне ничего не придется. Я по состоянию здоровья не служил в рядах, и пистолета даже в руке не держал.

– Нам нужна только ваша голова, – заверил он. – И умение вести доверительную беседу... Ну, с Богом! Никогда не думал, что такое скажу...

– Все мы меняемся, – заверил я дежурно, хотя уверен, что меняться уже не буду, и так само совершенство. – Спасибо, что проводили.

Он крепко пожал Ингрид и мне руки, пилот уже в нетерпении выглядывает из кабинки, и мы побежали, пригибаясь, к вертолету.

Винт, не успев остановиться, снова начал раскручиваться. Через несколько секунд площадка на крыше словно отстрелилась и резко пошла вниз.

На некоторое время я ощутил, что гравитационная постоянная на этой планете равна девять восемьсот семь, атмосферное давление сейчас повышено, а солнечная вспышка была неделю назад, хотя мой организм ее практически игнорирует.

Ингрид быстро пристегнула меня широким жестким ремнем, совсем не то изысканное удобство, что в ее автомобиле.

– Это Спарта, – сказала Ингрид злорадно, – не кривись, ботаник!

– Можем выпасть?

– Теперь нет, – заверила она, – но если пилот вздумает сделать мертвую петлю, то тебе за шиворот кое-что затечет!

– Грубая ты, – сказал я с мягким укором воспитанного человека. – А мне уже почти показалось, будто ты леди. Или хотя бы женщина.

Ингрид, вижу по ней, на жестком сиденье вертолета чувствует себя так же комфортно, как и в роскошном автомобиле. На меня поглядывает насмешливо, слабак, хотя не вижу причин для гордости, это в питекантропье время мускулы и все такое ценились справедливо, но даже этот вертолет придуман и создан не благодаря мускулам. Да пошла она, дура... хотя, конечно, задевает.

Хотя я и умный, но инстинкт велит, что хорошо бы еще и быть сильным, ну как питекантроп. И таким же бесцеремонно грубым, что считается настоящей мужской чертой, мужским характером, как будто мужчины только воюют, а науку двигают женщины.

– Не смотри вниз, – произнесла она высокомерно.

– А что там?

– Голова закружится, – сообщила она.

– У тебя? – спросил я. – За меня не волнуйся, я знаю, что летим на вертолете с реактивным приводом несущего винта, на высоте тысяча семьсот двадцать четыре метра, аварии на нем случаются в семьсот восемьдесят четыре раза реже, чем с автомобилями. К тому же вертолеты не выскакивают на встречу и не пересекают двойную линию...

Она фыркнула.

– Подумаешь, умник! Что, знание ситуации освобождает от страха?

– Конечно, – ответил я уверенно, хотя, конечно, соврал, но кто из нас не брешет женщинам. – Но тебе это не совсем понятно, инстинктивница?

Дома и коттеджные поселки, обступившие Москву на некотором расстоянии, это чтоб вдали от выхлопных газов, постепенно отодвинулись, а дальше внизу потянулся лес, даже на такой небольшой высоте похожий на мшистое болото.

Я даже не думал, что леса в Подмосковье такие дикие, даже Сибирь отдыхает. Разве что Дальний Восток, где в Приморье непролазные заросли, европейцам и не приснятся в самом страшном сне.

– Здорово, – сказал я.

– Что здорового?

– Чисто, – сообщил я. – Ни бутылок, ни пластиковых пакетов... Так и кажется, что вот-вот навстречу выйдут питекантропы. Кстати, эти леса были точно такими же.

Страх в самом деле нет, ну что тут особо страшного, я же не братья Райт, у которых первый полет. Все норм, уже все летают, вот-вот в продажу поступят автомобили со складывающимися крыльями, тогда вообще начнется веселое время, вертолеты перестанут быть самым безопасным видом транспорта.

А мир вообще-то дик и человеком не освоен. Что там говорить о необъятной Сибири или Дальнем Востоке, стоит взглянуть вниз, это Московская область, но вон в тех местах точно не ступала нога человека, настолько дремучие леса, где исполинские деревья вырастают, сгнивают от старости, на их месте поднимаются другие, и так миллион за миллионом лет...

Ингрид сказала бодро:

– Вон там на горизонте... вроде бы наше место.

Среди зеленого дремучего леса впереди проступило идеальное ровное и расчищенное место размером с футбольное поле, нет, даже побольше. В центре кукольный домик, таким

кажется отсюда, изящный, в таком должна юная принцесса ждать принца на белом коне, а не доживать последние дни престарелый член Политбюро ЦК КПСС.

Ограду рассмотрел чуть позже, высоченный сплошной забор, через такой не перепрыгнешь, да и перелезть, думаю, непросто, наверняка поверху либо стекла, либо колючая проволока. Хорошо, если еще не под напряжением. Помимо основного дома в конце довольно ухоженного участка еще и гостевой, это точно для нас.

В сторонке роскошная теплица, выглядит хрустальным дворцом, что изо всех сил строил Чернышевский и в которой Достоевский из грязного подвала остервенело бросал камни.

Ингрид сказала с оценивающим видом:

– Далеко забрался!.. Смотри, к нему даже дороги нет.

– Как только и строили, – буркнул я.

Она посмотрела на меня с интересом.

– А то не знаешь, что армейский грузовой вертолет может целиком перенести весь этот дом?..

– А-а, – сказал я, сразу же посмотрел характеристики грузовых вертолетов, МИ26Т в самом деле может переносить даже корабли из одного моря в другое, – тогда да, лишь бы не развалился при транспортировке.

Особняк, как я оценил сверху, хорош сам по себе, но еще и стоит на стратегически выгодном месте, то есть на абсолютно гладком, словно готовили под газон.

По нему невозможно выстрелить с крыши небоскреба, как уже случилось недавно, разве что с вертолета, но нет на свете снайпера, чтобы с дрожащего и дергающегося вертолета попал даже в слона с сотни шагов.

Вертолет дернулся, чуть накренился, я невольно ухватился за поручень. Земля начала быстро приближаться, чересчур быстро даже для армейского вертолета, но в последний миг мотор протестующе взревел, пол трянуло, и через секунду полозья коснулись земли.

От далекого дома в нашу сторону заспешили двое, мужчина и женщина, оба в рабочей одежде.

Ингрид выскочила первой, издевательски подала мне руку. Я оперся, стараясь, чтобы в то же время не слишком, а то отдернет, свалюсь к ее ногам под хохот пилота и улыбки рабочих коттеджа.

– Спасибо, сержант, – поблагодарил я. – Вольно-вольно, не нужно так тянуться. Бить пока не буду.

Мужчина подбежал первым, рослый и с простым деревенским лицом, загорелый и обветренный, точно садовник, рукава рубашки закатаны выше локтей, руки тоже загорелые до черноты, заметны крохотные шрамики от колючек кустов роз.

– Я Грегор Ратник, – сказал он и протянул руку, – Грегор Иванович, но можно без отчества. Садовник.

Рукопожатие его показалось мне осторожным, хотя ладонь чуть ли не вдвое шире моей, но явно старался не повредить. То ли знает, что я с нейродистрофией, то ли просто выгляжу очень уж кабинетным ботаником.

Женщина подошла с довольной улыбкой во все лицо, тоже явно деревенской кости, крепенькая, загорелая, с живыми блестящими глазами.

– Тереза Карпова, – сказала она и крепко пожала мне руку, ее ладонь тоже вроде бы шире моей, обидно, – добро пожаловать!.. А то немножко скучновато...

– У вас нет Интернета? – спросил я.

Она засмеялась.

– Все есть, вечерами даже деремся в онлайнowych!.. Вы – Владимир Алексеевич Лавронов?.. Не ожидала такого молодого красавца, вы же доктор наук, профессор?.. Можно, я буду вас звать просто Владимиром?.. А я Тереза без всяких длиннющих отчеств. А вы Ингрид, верно?

Ингрид с улыбкой обменялась с ними рукопожатием.

– Верно, – ответила она. – У вас тут красиво. Просто идеально красиво. Даже удивительно, как вам удается все вдвоем.

Тереза сказала весело:

– Это все Грегор!.. Я только в доме.

Садовник улыбнулся.

– Здесь такая техника, одному можно обрабатывать участок. Еще зарабатывал бы у соседей, если бы они появились. Пойдемте в дом.

– Удивительное место, – сказал я на ходу. – И что, сюда в самом деле нельзя никак, кроме как на вертолете?

Он хохотнул.

– Удивляет?..

– Еще бы!

– Меры безопасности, – сообщил он. – Надежнее, когда все под контролем на много километров вокруг. Автомобили есть у всех, а вот вертолеты пока что частным лицам не продаются.

Я сказал:

– Но можно и пешком.

– Точно, – согласился он, – однако на ключевых высотах видеокамеры. Уже молчу, что со спутников каждый сантиметр как на ладони ребенка. Кто бы ни вздумал подойти к усадьбе достаточно близко, его еще задолго до этого будут вести на мушке.

Ингрид бросила быстрый взгляд по сторонам.

– Все верно, коттедж умело упрятан в лесу, участок обнесен высоким забором, видеонаблюдения и лазерные средства оповещения, круглосуточная охрана, тут уж снайперу не подобраться! Небоскребов поблизости нет, а с вершины дерева тоже не достать.

Грегор добавил:

– Только с вертолета.

– С вертолета прицельный огонь вести невозможно, – авторитетно сказала Ингрид.

Умники, подумал я с отвращением. Еще бы сказали, что лошади кушают овес и сено, а Волга впадает в Каспийское море.

– Вертолет и сбить легко, – добавила Тереза. – Пойдемте в дом.

Красиво вымощенная булыжником дорожка привела к крыльцу, по обе стороны широкие перила с балясинами из белого мрамора под старину, мраморные ступеньки, но с синтетической дорожкой посередине, это чтоб в дождь или снег не поскользнуться, просторная веранда с белоснежным столом и такими же белыми стульями вокруг, двенадцать шпук, но не думаю, что у хозяина бывает много гостей.

Грегор распахнул дверь в дом, сделал приглашающий жест.

– У счастьем, вещей у вас нет, так что можете помыть руки и осмотреть нижний этаж. На второй пока не поднимайтесь, Валентин Афанасьевич работает.

– Вас только двое? – спросил я. – А начальник охраны?

Он коротко усмехнулся.

– Когда-то был не только начальник, но и сама охрана. Но потом в целях экономии убрали.

Я заметил сочувствующе:

– Да и техника следит днем и ночью.

– Не пьет и по бабам не ходит, – согласился Грегор. – А то тут раньше от безделья мужики дурели. Так что я теперь и охрана, и все-все, что не кухня.

Тереза мило улыбнулась и сказала мягким певучим голосом с отчетливым полтавским акцентом:

– Не знаю, надолго ли вы здесь, но, надеюсь, вам понравится.

– Спасибо, лейтенант, – ответил я, она чуть дернулась, я сказал с сочувствием: – что-то не так? Вас нужно звать Анной Дмитриевной?

Она смерила меня сердитым взглядом.

– Не знаю, о чем вы говорите. Меня зовут Тереза.

– Да ладно, – ответил я с барской небрежностью, – раз уж мы тут, то мы знаем, где мы. Правда, капитан Васильковский?

Грегор не вздрогнул, но посмотрел на меня очень пристально.

– Не думаю, – произнес он сухо, – что понимаю вас.

Я отмахнулся.

– Не хотите, не надо. Я, кстати, тоже только Владимир Алексеевич, доктор наук нейрофизиологии и ничего больше. Покажите моей жене душевую, а я обойдусь.

Он кивнул, понимая и принимая мужское нежелание мыться, а «жене» гостеприимным жестом указал в коридор направо. Ингрид ожгла меня убийственным взглядом, но смолчала и гордо прошествовала в ту сторону.

Я еще раз прошелся по записям двенадцати телекамер, установленных в коттедже, восемь снаружи и четыре в доме. Новейшие, широкоформатные, но поставили недавно, четыре месяца назад стояли попроще, вижу по качеству снимков, теперь же небо и земля, еще чуть – и будут снимать в 4К.

Домик только выглядит пряничным, заслуга облицовки, но толстые стены литые, бетон армированный, это не штатовские домики из тонких дощечек, что проламываются кулаком.

Гостевой домик тоже только выглядит намного проще как по материалам, так и внутри. Мне хватило доли секунды, чтобы осмотреть все, включая оранжерею и теплицу, там тоже по видеокамере.

Дверь за Ингрид еще не успела закрыться, как я поинтересовался негромко:

– Вы ведь в курсе проблемы, не так ли?

Грегор кивнул и, бросив по сторонам осторожный взгляд, ответил совсем тихо:

– Мне предписано оказывать вам всяческое содействие.

– Прекрасно, – ответил я. – У меня резонный вопрос, почему товарищ Стельмах решил обнародовать именно сейчас?

Он развел руками.

– Вы что, телевизор совсем не смотрите, новостные сайты не посещаете?

– Если честно, – ответил я, – заглядываю только на специализированные по нейрофизиологии и смежным дисциплинам. А смотреть телепередачи... уж простите, но у меня в сутках всего двадцать четыре часа, которых и так недостает.

– Понятно, – ответил он, – человек науки. Но Валентин Афанасьевич тоже человек науки, только его областью является политика. Ее нельзя проводить, не зная, что хочет народ, что он потребляет, что ему вливают в уши.

– Дальше, – сказал я.

– Вы просто не замечаете, – заговорил он, чуть набирая темп, – какая на Западе сейчас поднялась целенаправленная волна клеветы против России!..

– Разве она когда-то стихала? – спросил я.

Он понимающе кивнул.

– И то верно. Но сейчас с особой силой везде и всюду постоянно подчеркивается, что СССР был чудовищной машиной репрессий, а вот благородный Запад сумел нас победить и сломать эту машину. За это весь мир должен целовать их в жопу и отдать нефть, землю и свободы. Потому Валентин Афанасьевич и сорвался, заявил, что обнародует всю правду и заткнет им вонючие пасти.

Я пробормотал:

– А может... он прав?

Он взглянул на меня остро.

– Может быть. Но может, и не прав. В управлении, как я понимаю, мнения расходятся. Но все-таки большинство полагает, что время для правды еще не настало. Сейчас это бередить еще не зажившие до конца раны.

– Но если большинство, – сказал я и замолчал.

Он уточнил:

– Не большинство, вы очень точно заметили нюанс, а наиболее... так сказать, умудренные. Или даже мудрые. Те, кто всегда отличался более точным подходом. И чьи прогнозы оправдываются.

– А почему тогда не выгнать остальных? – спросил я.

Он посмотрел на меня с укором.

– Вы серьезно? А кто придет на смену?.. Это вас удалось привлечь со стороны, а остальных приходится выращивать у себя. Постепенно и эти горячие станут умнее.

Ингрид вышла из туалетной комнаты в самом деле освеженная, словно успела принять душ. Грегор посмотрел на нее и на меня, улыбнулся.

– Хорошо, что вы в самом деле муж и жена. Валентин Афанасьевич достаточно чувствителен в этом вопросе. Он как был, так и остался коммунистом. Особенно это касается нравственных ориентиров, брака и семьи. Как вы слышали, наверное, коммунистов, изменивших жене, вызывали на партсобрание и «прорабатывали», выясняли, почему он так поступил и что нужно сделать, чтобы отныне вел себя соответственно статусу семейного человека.

Ингрид бросила на меня быстрый взгляд.

– Ну... мы не настолько уж и муж и жена.

Он сказал успокаивающе:

– Я не слепой. Вы интересуетесь друг другом даже больше, чем муж и жена, а это очень-очень хорошо в вашей миссии.

Я пробормотал:

– Да какая там миссия... В Управлении опасаются, что кто-то пытается дестабилизировать обстановку. Потому мы здесь, чтобы чем-то помочь, если такое возможно, хотя, честно говоря, из нас хреновые помощники. Когда он нас примет?

Он взглянул на часы, сказал почти шепотом:

– У хозяина строгий режим дня. С утра работает до обеда, затем полчаса занимается в спортивном зале, а потом снова за бумаги...

– За бумаги? – переспросил я.

Он кивнул.

– Это стандартный оборот. Называем же емэйлы письмами, словно живем все еще во времена Екатерины Великой... Конечно, у него все в электронном варианте.

– Это хорошо, – сказал я. – Меньше шансов потерять. Сейчас он... в своем кабинете?

Он сказал так же негромко:

– В спортзале. Потом обед, затем снова работа. Уже до ужина. Вы это время пробудете в своем гостевом домике. Он обычно заканчивает в одно и то же время. После ужина свободен и примет вас.

Ингрид сказала быстро:

– Прекрасно. Передайте нашу благодарность.

Он взглянул на меня, я добавил:

– И восхищение, что не разводит розы, а продолжает работу.

– За розами слежу я, – сказал он, – но все верно, он не пытается выбирать работу полегче. В смысле, жизнь полегче. А благодарность передам, когда освободится.

На лестнице, ведущей со второго этажа, послышались шаги. Грегор и Тереза встали, мы с Ингрид переглянулись и поднялись тоже.

Он спускался неспешно, но уверенно, деревянных перил касается слегка-слегка, именно касается, а не опирается. На мой взгляд, в восемьдесят восемь выглядит на шестьдесят, а то и меньше. Поджарый, жилистый, с худым костистым лицом и такими же плечами, смотрится все еще сильным и крепким, что проживет не меньше десятка лет в добром здравии, а дальше как получится.

Не замечая нас, прошел на первый этаж и скрылся за дверью кухни-столовой.

Ингрид проводила его тревожным взглядом.

– Всегда чувствую себя неловко с такими динозаврами, – пожаловалась она. – Кажусь себе такой глупой верещащей белкой.

– Ну, – сказал я великодушно, – чего уж белкой... Какая из тебя белка... Ты что-то крупное, еще не до конца исследованное ученым-испытателем в моем благородном облике.

– А все остальное, – сказала она язвительно, – при мне? Свинья ты.

Грегор сказал с легкой усмешкой:

– Пойдемте, покажу вам гостевой дом. Нужно было сразу, но я решил, что вам стоит показать обстановку здесь, это может дать какие-то ключи...

Тереза осталась в доме, а мы вышли за Грегором.

Я сказал мирно:

– Ингрид, ты чего? Разве это я назвал тебя глупой верещащей белкой? Это ты сама, как в зеркало посмотрелась... Топай быстрее, нужно собраться и обдумать, что говорить, когда он поужинает и примет нас.

– А вдруг не примет?

– Ну да, – сказал я, – ему же самому интересно.

– Думаешь, – спросила она шепотом, – интерес с возрастом не падает?

– Это ты в каком смысле? – спросил я с подозрением. – О каком интересе речь?

– Свинья, – сказала она в который раз, – я говорю вообще об интересе к жизни, к новым людям.

– Узнаем, – ответил я, – когда доживем до его возраста. Но, думаю, он нам скажет уже сегодня.

Грегор сказал деловым тоном:

– Не ссорьтесь, дети. Ну скажите же, что здесь красиво!

Дорожка вилюжится между роскошными клумбами с яркими цветами, плотно посаженными кустами черники, ежевики и черной смородины.

Я на ходу сорвал ягоду черники, полная и спелая, с готовностью лопнула во рту, заливая язык сладчайшим соком.

Грегор поощряюще улыбнулся.

– Выходите сюда пасться.

Ингрид кивнула, а я поинтересовался:

– Не жалко? Мы прожорливые. Особенно вот она... Видите, какая пасть?

Он хмыкнул.

– Все равно больше половины осыпается. Я тоже люблю ягоды, но больше тазика за

один раз ну никак не съесть.

– Она вот съест корытце, – заверил я. – Ну и я поклюю из чашечки.

Он поднялся на крыльцо гостевого, где сразу потянул за ручку двери. Та послушно открылась, показывая чистый холл и дальше пространство гостиной со столом и креслами..

– В доме всего две спальни, – сказал он, – стандартная кухня, душ и ванная. Туалет тоже без наворотов, хозяин привык к удобствам, но без чрезмерности. Если что понадобится, лучше обращайтесь к Терезе. Я больше по двору, по саду.

Я спросил понимающе:

– Забор тоже в вашем ведении?

Он кивнул, по виду заметно, что понял к чему вопрос.

– Да. Как и то, что по ту сторону.

– А что вы знаете о проблеме? – спросил я. – Вы же знаете, что случилось. И даже зачем мы здесь.

Он бросил в мою сторону осторожный взгляд.

– Что случилось знаю, но ваша роль мне пока что неясна. Именно ваша, а не вашей жены.

– Я при ней, – сообщил я. – Интеллигентное с виду прикрытие. Ну, вид у меня интеллигентный, а так вы же знаете, поскреби интеллигента...

Ингрид, не слушая мое умничание, пошла осматривать дом, из ванной комнаты донесся ее довольный взглас.

Грегор посмотрел в ту сторону, лицо стало озабоченным.

– Она из тех, сразу видно, кто привык решать все вопросы пулей в лоб. Увы, здесь такое не катит. Напротив... Вы имеете дело со старой доброй системой рассылки, называемой иногда «Мертвой рукой». Вы уже наверняка знаете, он разместил на удаленных серверах секретные документы, которые появятся в Сети сразу же, как только палец отпустит кнопку взрывателя.

– А пароль подтверждает каждый день? – уточнила Ингрид, появляясь в дверях ванной.

Он вяло отмахнулся.

– Да хоть раз в неделю, нам не легче. Остановить это нельзя. Напоминаю, для того чтобы запустить рассылку документов, не нужно ничего делать! Напротив, чтобы не допускать, он каждый раз вводит код...

Она переспросила:

– А схватить и потребовать выдать пароль? Чтобы войти на сервер и уничтожить компромат?

– Потребовать, – переспросил он с легким сарказмом в голосе, – под пытками?

Она сказала сердито:

– Ну... есть же такие психотропные вещества? Сыворотка правды?.. А если нет, то допустимы и пытки. У нас общество гуманное, но не до идиотизма.

Он покачал головой.

– Такая сыворотка есть, но только для простаков. Так же, как легко обмануть детектор лжи, так же просто не поддаваться сыворотке... кто обучен, конечно. Кроме того, Валентин Афанасьевич способен продержаться и под пытками до тех пор, пока информация не уйдет в Сеть и во все издания. А нам не он нужен, а информация. И вообще... мне даже говорить неприятно о каком-то физическом воздействии. Валентин Афанасьевич прекрасный человек! И хотя работаю в Управлении, но Валентина Афанасьевича намерен защищать

любыми средствами.

Я уточнил:

– Не информация вам нужна, как я понял, вы все это знаете не хуже него, верно?.. Вам нужно, чтобы это не попало в Интернет? Не стало достоянием всех-всех?

Он посмотрел на меня мрачно.

– Да, – ответил с таким неудовольствием, что я почти услышал хруст моих костей в его челюстях. – Да, это должно остаться тайной.

Ингрид сказала задумчиво:

– А попробовать проследить за самим кодом?

Он сказал раздраженно:

– Как? Подсмотреть?

– Подсмотреть, – согласилась она. – Не с помощью видеокамер, понятно. Но каждое прикосновение к клавишам можно ощутить, проследить, интерпретировать... Мой дедушка мог узнать телефонный номер, стоя спиной к телефонной будке...

Грегор сказал уязвленно:

– Каждый агент КГБ это умел, но такое было только в эпоху дисковых телефонов. Всего-то нужно считать щелчки. От единички при повороте диска два щелчка, а от девятки – одиннадцать. Но как сейчас?

Она указала на меня взглядом.

– Владимир говорит, что нет абсолютно одинаковых клавиатур! А еще даже при десятипальцевом методе нажим на клавиши разнится. Валентин Афанасьевич же наверняка печатает одним пальцем. Ну, пусть двумя. Разница ощутима, при коротком сеансе сличения всегда можно сказать, что человек печатал, прослушав только с помощью направленного микрофона стук клавиш.

Он проворчал:

– Боюсь, такое предусмотрено. И такие точки, куда можно взобраться с подобным микрофоном... под наблюдением.

– Я говорю о принципе, – сказала она обиженно и, гордо выпрямившись, отправилась исследовать кухню.

Он снова проводил ее обеспокоенным взглядом, что и понятно, никому из мужчин не нравится прыгающая и стреляющая женщина. И вовсе не потому, что вторгается в мужской мир и может в чем-то превзойти, хрен нас эти обезьяны с гранатами превзойдут, а что из-за женской неуравновешенности и эмоциональности наломают дров. Не зря же эти анекдоты про блондинок, а женщины все до одной блондинки.

– Ладно, – сказал он, – я пойду, а вы обустраивайтесь, отдыхайте. Если что, обращайтесь.

Он не добавил обычное «помогу», что и понятно, незачем брать на себя такие обязательства, а так – обращайтесь, а я посмотрю, может быть, и в самом деле возжелаю в какой-то малости помочь.

Ингрид вышла из спальни, довольно потирая руки, позвала кивком.

– Кухня здесь, несмотря на старинный домик, самая технологично продвинутая.

– Удручена?

– С чего бы? – спросила она обидчиво. – Люблю, когда все автоматизировано.

– Понятно, – сказал я, – ленивая.

Она поморщилась.

– Слушай, а нельзя проследить за этими его сигналами? Ну, что все в порядке, пока рассылка отменяется.

– Уже проверил, – признался я, увидел на ее лице удивление и ругнулся на себя, что вот так и проколоться можно. – Это просто. Любой продвинутый школьник проследит. Но его сигнал идет не на какой-то свой сопливый сайт, где лежат эти материалы, а на крупные серверы разных компаний по всему миру. А там такая система, не буду вдаваться в подробности, сам их не знаю, ни одна секретная служба не взломает.

– Ну хоть что-то не знаешь, – ответила она с сарказмом. – А то прям говорящий попугай, а не профессор!

– Я не профессор, – ответил я, – хотя, конечно, доктор наук обычно и профессор. Ты вообще-то держись скромнее, женщина. А то вдруг и тут видеокамеры.

Она ответила шепотом:

– Что значит скромнее?

– Лежи на спине, – объяснил я, – раздвинув ноги. И все.

– Чего-чего? – протянула она. – А что можно?

– Стесняться, – объяснил я. – В советское время секса не было. Потому стесняться можно и нужно.

– Но что-то же было?

– Было совокупление, – сообщил я. – Был коитус, мужчина и женщина могли иметь стыд... это то же самое... еще копуляция, а то и вовсе копулирование...

– Как это то же самое?

– Эвфемизм, – пояснил я. – Это как ты говоришь гостям или хозяевам, что пошла помыть руки, а на самом деле отправилась срать. И хотя все понимают, что ты там срьшь, пыхтя и выпучивая глаза, но никто в приличном обществе вслух такое не скажет, а при коммунистическом строе все были приличными, скромными и добропорядочными.

Она надулась, буркнула:

– Ты уверен, что везде просматривается и прослушивается?

– Нет, – ответил я, – но мы должны соблюдать конспирацию, не так ли?

– Тогда и тебе чего-то нельзя? – спросила она с надеждой.

– Мне можно все, – ответил я гордо. – При коммунистическом режиме примат мужчин поддерживался и культивировался. А женщина должна быть скромной, застенчивой и прилежной. У тебя как насчет застенчивости?

– Лучше, чем у тебя, – огрызнулась она.

– А мне и не требуется, – сообщил я. – Доминант должен доминировать. Ты давай раздевайся и становись в позу, а я подоминирую.

Она отрезала:

– Какую-такую позу? Сам сказал, я должна только лежать на спине и стесняться.

– Мужу нельзя перечить, – напомнил я. – Это из Библии перешло прямо в Устав ВКП(б)

...

– Что за...

– Устав Всесоюзной, – пояснил я, – Коммунистической Партии Большевиков. Слово «большевиков» писалось со строчной, так как были еще и меньшевики, но про них решили забыть при Хрущеве и партию переименовали в КПСС. Гм, подумать только, как много из Библии позаимствовано для Устава Коммунистической партии... Чего рот открыла? Ложись и раздвигай ноги!

Мы успели отдохнуть, так это называется, хотя я успевал посматривать, что происходит в доме, и когда Грегор вышел и направился по дорожке с гостевому домику, я сказал с понятным оживлением:

– Думаю, хозяин уже ужинает.

– Откуда знаешь?

– Грегор идет к нам, – сообщил я.

– И что?

– Предложит, а здесь это равносильно приказанию, присоединиться к хозяину за чашкой кофе.

Она покосилась с недоверием.

– Откуда...

– Время, – сказал я. – Валентин Афанасьевич не будет долго наслаждаться ужином. Люди такого ранга не смакуют, а просто утоляют голод и снова за работу.

– И что, ты определяешь так точно?

– Я ученый, – напомнил я скромно. – Мы помешаны на точности, так как наука вся на точности и сверхточности. Но ты можешь лежать, так будет естественнее...

В дверь дважды стукнули, я ответил громко:

– Входите!

Ингрид вскочила и принялась поспешно одеваться. Дверь распахнулась, Грегор возник на пороге, я ощутил его профессионально ощупывающий взгляд, что пробежал по всему телу. На лице почти отразилось неудовольствие, что не увидел на мне ни автомата с двумя рожками, ни хотя бы парочки пистолетов в кобурах для скрытого ношения.

– Валентин Афанасьевич готов принять вас, – сказал он, абсолютно не обращая внимания на быстро натягивающую блузку поверх торчащих сисек Ингрид.

Она спросила почти сердито:

– Поужинал?

– Да, – ответил он, – а кофе пьет на веранде. Туда приглашает и вас.

– На фронтальной или задней? – спросила Ингрид.

– Я вас проведу, – ответил он.

Вторая веранда, что с задней стороны дома, просторнее, на ней кроме стола с овальной столешницей вдоль стены с десятков крупных ваз с живыми цветами. С той стороны стола в белом пластмассовом кресле сидит хозяин особняка с чашкой кофе в руке.

Мы приблизились, он улыбнулся нам и Грегору. Тот сказал торопливо:

– Валентин Афанасьевич, вот те товарищи, о которых предупреждали. Владимир Алексеевич и его супруга Ингрид.

Стельмах сделал небрежный жест в сторону кресел с правой стороны.

– Садитесь. Не слишком далеко, а то я начинаю подозревать, что слух мой уже не тот, что прежде. Владимир Алексеевич, вы мне вполне во внуки годитесь, так что буду звать вас Владимиром, так проще.

– Хорошо, Валентин Афанасьевич, – ответил я почтительно.

Он смотрел отечески снисходительно, и хотя под глазами трёхъярусные мешки, что оттягивают кожу почти до середины щеки, проклятая гравитация, но сами глаза мудрые,

понимающие, и с той добротой, что либо политик с вот таким стажем, либо в самом деле уже осточертело идти по трупам, а костюм Санта-Клауса пробует вот только сейчас.

– Я в курсе, – сообщил он, – что благодаря вашему острому уму удалось вернуть украденные из вашего института двенадцать миллионов долларов... Да-да, мне объяснили, почему посылают именно вас, вроде бы далекого от наших дел человека... Я всегда говорил, что уровень интеллекта важен во всем, а не только в рассматривании пробирок. Умный человек все делает лучше и качественнее, но, конечно, умных людей на все должности не напасешься.

Тереза вошла на веранду с подносом, на котором две большие чашки с парующим кофе и тарелка с восточными сладостями.

Ингрид вскочила и помогла снять чашки и тарелку. Тереза кивнула с благодарностью в глазах и торопливо удалилась.

Стельмах продолжал нас рассматривать из-под приспущенных бровей внимательно и строго, хотя на губах по-прежнему играет доброжелательная улыбка.

– Как я понимаю, – сказал он, – вас прислали определить, насколько я сошел с ума.

Ингрид охнула:

– Что вы! Как вы можете...

Он поднес чашку к губам, а другой рукой сделал отметающий жест.

– Милая, не нужно... Я те игры знаю.

Я поспешил вмешаться:

– Простите, но я человек новый, как вы уже наверняка выяснили, мне бы хотелось поскорее понять, из-за чего взволновались в Управлении настолько, что решились обратиться, как вы точно сказали, к абсолютно постороннему человеку.

– К арбитражу, – произнес он веско, – им нужен не просто ваш совет, а ваше решение!.. Представляете, насколько у них там все прогнило? Вы – арбитр!

Я зябко передернул плечами.

– Ничего себе... Вы меня огорошили. Меньше всего в жизни я хотел бы оказаться в такой роли.

– Такое случается не только с вами, – произнес он мирно. – И чаще всего человек не готов.

– Абсолютно верно, – сказал я подавленно.

– Жизнь бросает нас в воду на глубоком месте, – проговорил он, – чтобы научились плавать. Вам наверняка в общих чертах сообщили, из-за чего сыр-бор...

– В настолько общих, – признался я, – что ничего и не понял. Для меня слишком все оказалось неожиданным и ошеломляющим. Я доктор физиологии, вы же представляете, насколько это далеко! И даже не знаю, что в сказанном мне правда, а что... неправда.

Он допил кофе, замедленным движением опустил чашку на столешницу.

– Еще больше ошеломит то, что правда как раз все. Да, я верю, что вам сказали все, как есть. По мелочи у нас не жульничают. Но... чтобы картина была яснее, давайте сообщу то, что обывателю непонятно и даже противно. Мы строили коммунизм, а сам по себе коммунизм – самая великая, светлая и благородная идея человечества!.. Это только самая тупая и подлая часть людского племени может обвинять коммунизм в каких-то грехах. Коммунизм как раз чист и безгрешен, чего нельзя сказать о других идеях, время от времени охватывающих человечество.

Ингрид сидит с застывшим лицом, похоже, вообще не врубилась, а я сказал понимающе:

– Да-да, коммунизм не в России придумали, как многие считают. Он сперва охватил лучшие умы в западных странах, а к нам пришел через десятилетия.

Он посмотрел на меня почти с благодарностью.

– Спасибо, чувствуется, что вы ученый, а не... Только абсолютно глупые или подлые, а чаще то и другое, говорили и все еще говорят, что коммунистические партии во всем мире жили за счет средств Коммунистической партии СССР. Ага, точно, особенно если учесть, что коммунистические партии Европы возникли намного раньше самого Советского Союза!

– Верно, – подтвердил я.

Он поморщился.

– Дураки и подлецы. Как можно подумать, что многочисленные коммунистические партии Франции, Германии, Испании, Италии да и других стран, что на выборах боролись за власть в своих странах, могли существовать за счет нищей России? Это оскорбление в адрес Розенбергов, что передавали все атомные секреты из правительственных лабораторий США коммунистической России и в конце концов были арестованы, и приняли смертную казнь на электрическом стуле. Это Филби и тысячи энтузиастов на высоких постах в Европе, у которых, по мнению демократов, «усе было», но тем не менее они выбрали путь служения высокой и чистой Идее, за что чаще всего и платили жизнями в своих так называемых демократических странах!

Ингрид пробормотала:

– Но тогда почему...

Он ответил с тяжелым вздохом:

– Коммунизм основан на вере в то, что человек должен поступать правильно и честно, если поймет, что это хорошо и правильно. Человек вообще должен поступать в интересах общества.

Она сказала с недоумением:

– Но это бесспорно...

– Человек это понимает, – ответил он с горечью в голосе, – но... биология в нас постепенно берет верх. Как все мы, составив замечательный режим дня и повесив на стенку, несколько дней, а то и недель, старательно встаем рано по будильнику, чистим зубы, делаем гимнастику, учим уроки или работаем, читаем правильные книги, не пьем и не курим, с дурными женщинами не общаемся... Так же и с коммунизмом: охваченные благородной идеей, живем несколько лет чисто и правильно, но потом биология берет свое...

Она вздохнула, на лицо набежала тень, явно вспомнила, как проваливала свои режимы, как срывалась в загулы.

– Продолжайте, – попросил я.

– Ошибка власти, – продолжил он, – которая пыталась строить коммунизм в отдельно взятой стране, в том, что долгое время старалась продолжать это строительство с людьми, у которых животные инстинкты все больше брали верх. Точно так же за Савонаролой в свое время шли и низы, и верхи, как помните по истории. Охваченные благородным порывом люди бросали в костры на площади свои золотые украшения, серьги с бриллиантами, а кончилось тем, что когда энтузиазм угас, а Савонарола продолжал обличать богатство и распутство, то весь народ, уже соскучившийся по распутству, схватил Савонаролу и сжег его самого на той же площади.

Я кивнул.

– Это было предостережение всем, даже декабристам.

– Вот-вот, Запад это предостережение учел... и строить коммунизм не стал. За это взялась чистая и наивная Россия, причем «строить коммунизм для всего человечества». Понятно, что получилось то же самое, что и с Савонаролой, разве что строительство коммунизма продолжалось дольше, чем проповеди коммунизма.

– Это я понимаю, – сказал я.

– Знаете ли, – пояснил он нехотя, – многие мифы настолько укоренились в народе, что даже не пытаешься с ними как-то бороться. И не только у молодого поколения, но и у тех, кто тогда жил... К примеру, даже в народе закрепилось представление, что Коммунистическая партия – это одни воры и преступники. Все это было придумано в среде так называемых диссидентов, а это люди, которых по ряду причин не принимали в партию коммунистов.

Ингрид спросила робко:

– Почему?

– На самом деле, – ответил он, – можете спросить людей того времени, в Коммунистическую партию принимали лучших из лучших. Во всех институтах, академиях, научных учреждениях стояла очередь на поступление в ряды. Комиссия тщательно проверяла подноготную каждого кандидата. Это вам сейчас покажется смешным, но коммунист должен был быть безупречным не только на работе, но и в быту, и в семье. Сейчас высмеивают, что в те времена женщина могла бежать в партком жаловаться на неверного мужа, но в большинстве случаев это помогало. Вызовут на собрание такого гулену и спросят строго: ты чего же от жены бегаешь по бабам? Разве это хорошо?.. Разве они не все одинаковы?.. Лучше физкультурой займись, а то вон пузо растет, пить бросай...

Ингрид фыркнула.

– Наивно.

Он кивнул.

– Да, наивно. С академиками и творческой интеллигенцией нужно было иначе. Но на уровне рабочих и крестьян, которых в стране было абсолютное большинство, это работало прекрасно. Но дело не в этом... Я говорю о том, что руководство КПСС мудро... ладно, вы можете сказать хитро и коварно, смысл не поменяется, заранее затаскивало лучших в ряды КПСС. И потому оппозиции практически не могло возникнуть. Не из кого было. А та, что была, – это люди, которые стремились в партию, но их не приняли по каким-то морально-этическим параметрам. То ли судимость, то ли спал с чужой женой, то ли уличен в чем-то крайне неподобающем, но ухитрился отвертеться от суда...

Ингрид сказала с иронией:

– Сейчас наш президент действует так же. Самых активных из оппозиции приглашает на работу в правительство.

– Разве плохо? – спросил он. – Пусть покажут, как надо работать. А то языками трепать и критиковать все умеют.

– Особенно дворники и таксисты, – добавила она, – да всякий там планктон.

– Революцию сделали идеалисты, – сказал он с грустью. – А идеалисты чересчур верят в человека. В человека и его возможности идти к идеалам, отбросив все скотское в своей натуре! Но, как указывает исторический опыт, на пути следования к светлым идеалам человек быстро выдыхается, и верх берет его скотская натура... Ну не читали большевики Фрейда, не читали! А если бы и читали, не поверили бы. Дескать, у других не получалось, а у нас получится! Вечная ошибка молодости.

Я вставил:

– Запад не умнее, просто сразу сдался, согласился, что скотскую суть человека не переделать никакими способами. Можно только обставить множеством законов и договоров, чтобы если кто-то навредил, то тут же получал наказание. Вон Ингрид, как силовая структура, подтвердит...

Ингрид нахмурилась, а он продолжал невесело:

– Все равно идеалисты, будь это декабристы, якобинцы или большевики, свято верили, что если человеку объяснить, как это здорово быть хорошим и честным, он тут же им станет!.. Да, станет. На какое-то время. Я уже говорил, Савонарола так зажег Италию, что люди бросали в костры все свои драгоценности, стыдясь быть богатыми, когда в мире еще есть нищета и бедность, но этого порыва хватило всего на несколько лет. Когда был трудный час у России в связи с нашествием поляков, мужчины отдавали все свое богатство, а женщины срывали с себя ожерелья, серьги и снимали кольца, складывая в кучу с пожертвованиями, чтобы собрать и вооружить войско князя Пожарского...

– Дивное было время, – пробормотал я.

– Но как только врагов выгнали, тут же скотская натура даже в самых светлых и чистых душах взяла свое, и началась боярская междоусобица! Запад поступил не умнее, он просто сдался сразу. Признал скотство не скотством, а неизменной человеческой сущностью, где намешано не только от питекантропов, но даже от кистеперых рыб. Дескать, называть это скотством некорректно, это и есть человек, а его скотскую натуру выдавить из человека невозможно, ее нужно всего лишь ограждать красными флажками законов, правил, жестких наказаний.

– Что верно, – заметил я. – Они признали реальность. А коммунисты слишком уж начитались французских утопистов. Дескать, человек изначально хорош. Но даже в Библии сказано, что человек уже рождается грешной свиньей.

Он кивнул с одобрением, покосился на Ингрид.

– Ваша жена еще не заснула?.. Этот разговор точно не для женщин.

– Жена профессора, – сказал я строго, – должна понимать, за кого вышла. С вечеринками и ночными клубами отныне покончено раз и навсегда, хотя мои одноклассники все еще отрываются там... Бабуины какие-то.

Он поднялся, я тут же встал, а через секунду поднялась Ингрид.

– Оставляю вас до завтра, – сказал он. – Мне врачи рекомендуют ложиться в двадцать два, за час раньше приняв мелатонин. Но утром после завтрака можем продолжить. Сегодня я дал вам вводную, а завтра будет основная.

Утром она проснулась раньше, но лежала тихо. То ли соблюдает конспирацию, мы же здесь при коммунистическом режиме в последнем оплоте коммунизма, то ли строит какие-то козни, женщины всегда их строят, иначе какие они женщины, а Ингрид вполне так женщина, в постели вовсе не чувствуешь ее мышцы, вся такая мягкая и теплая, что просто щупать и щупать, будто прогретую на солнце плюшевую игрушку.

Я шевельнулся, она шепнула:

– Ты уже?

– Еще перед сном, – напомнил я.

– Я спрашиваю, – повысила она голос, – уже проснулся, или это во сне вертишься, будто тебе Черномырдин снится?

– Ой, – сказал я опасливо, – только не бей, а то всю нашу малину зашухаришь. Я проснулся, проснулся!..

– Ладно, – буркнула она, – тебе вообще-то как?

– Ты ничего, – ответил я. – Одобряю.

– Я о хозяине, скотина неумытая!

– Нравится, – сказал я. – Как и тебе, я же видел. Такие преданные идее люди всегда нравятся. Мы, которые в принципе способны на подлость, всегда чувствуем свое превосходство над такими ограниченными правилами чести и слова людьми.

Она посмотрела зло.

– Ты чего?

– Я не говорю, – уточнил я, – что мы делаем или будем делать подлянки, но нам это сделать проще, чем ему, которому связывают руки долг, честь, преданность идее. А мы, безыдейные, способны как и на самые чистые поступки, так и на подлейшие, потому мы шире, многограннее и как бы духовно богаче.

Она нахмурилась, но свиньей еще не назвала, а может, просто слишком задумалась.

– Способность на дурные поступки, – сказала она в конце концов, – не делает нас богаче.

– Смотря как смотреть, – возразил я. – Для природы нет дурных поступков. Там хорошо все, что позволяет выжить. Выжить и победить соперника. Запад продолжает идти по этому оправдавшему себя пути со времен пещерного времени. А в России решили, что уже можно изменить звериную природу человека. Увы, оказалось, что не просто рано, но и разрушительно для всего общества. Хорошо хоть, что коммунизм начали строить в отдельно взятой стране.

– Все равно, – сказала она упрямо, – такие люди мне нравятся. Даже то, что мы вынуждены изображать супругов, а не вести себя как обычно, когда вольные отношения всех и со всеми уже норма. Что-то в этих древних нормах наивное, но хорошее.

– Кофе сейчас можешь не пить, – сказал я, – все равно он угостит.

– Еще чего, – ответила она с самым оскорбленным видом. – Пока дойду до веранды, мне снова восхочется! Кофе у него великолепный, ароматный и крепкий.

Перебравшись через меня и не дав ухватить себя за, она красиво и выпрямленно ушла на кухню.

Я выбрался из постели, из кухни донесся повелительный крик Ингрид:

– На завтрак разогрею котлеты, а к кофе пирожки с творогом!

– Я все ем, – ответил я.

Завтракали быстро и жадно, после кофе я натянул джинсы, с удовольствием замечая, что становятся все туже и даже короче. На экране одной из камер увидел, как Грегор набирает мой номер.

Ингрид сложила посуду в мойку, а я вытащил из кармана мобильник, и сразу же раздался звонок.

– Слушаю, – ответил я.

На дисплее появилось лицо Грегора.

– Как быстро, – сказал он довольно. – Готовились звонить мне?

– Да, – ответил я. – Как раз собирался. Как там?

– Завтрак окончен, – сообщил он, – Валентин Афанасьевич сейчас перейдет на веранду, где его ждет традиционный утренний кофе. Это единственное время, которое может уделить вам, а потом только вечером. Только учтите, утром он пьет на веранде с тыльной стороны дома. Чтобы видеть восход солнца.

– Бегу, – ответил я. – Спасибо!

Ингрид оглянулась со стороны кухни.

– Что там?

– Ты хотела еще кофе? – спросил я. – Надеюсь, нас угостят снова. Хозяин сейчас вышел с кухни и двигается в направлении веранды. Шевелись шибче, коровище!

От гостевого домика до веранды с этой стороны проложена отдельная дорожка, почти не извилястая, с обеих сторон кусты смородины: черной, красной и белой, а также черника и ежевика и прочие подобные прелести, что и понятно, роскошные клумбы с цветами должны располагаться с фронтальной части двора, а здесь более приземленные вещи, как та же теплица. Свою клубнику, помидоры и огурцы все любят больше, чем с базара или из магазина.

Тереза догнала нас на ступеньках с подносом в руках, улыбнулась приветливо, но не больше, чем положено домработнице.

– Что-нибудь еще? – спросила она и уточнила. – К кофе?.. Жареную курицу не принесу, и не просите, но есть выбор печенья, пряников, сладостей, медовых пирожков...

– Ой, – ответила Ингрид, – на ваш вкус, ладно?

Тереза сказала доброжелательно:

– Ну да, я же знаю лучше, где у меня не подгорело... ха-ха!

Ингрид посторонилась, Тереза вплыла на веранду, как царевна-лебедь, Стельмах уже за столом на веранде, место занял такое же, как и прежде. Я сам бы там сел, мужчины инстинктивно выбирают место в любом помещении, как собаки в конуре: лицом к двери.

– Доброе утро, – сказала Ингрид.

– Доброе, – ответил он. – Как спалось на новом месте?

– Восхитительно, – воскликнула Ингрид. – Я до этого дня полагала, что моя квартира находится в тихом жилом районе, но только здесь я поняла, что такое тишина!.. А утром птички поют...

– Даже орут, – согласился он. – Не дают поспать последние пять минут, когда сон истончается... Владимир, вы такой загадочный, что-то снилось непонятное?... Садитесь-садитесь! А то кофе остынет.

Пока мы усаживались и придвигались вместе со стульями, Тереза принесла на двух широких, как крышки от металлических бочек, тарелках множество рассыпчатого печенья, нежных булочек и медовых пирожков с горкой рахат-лукума.

Стельмах мерно отхлебывает кофе из большой чашки, и, как я уловил по аромату, либо кофе иного сорта, либо просто крепче почти вдвое.

Он что-то понял по моему взгляду, сказал успокаивающе:

– Медики говорят, кофе мне вреден. Потому утром крепкий из большой чашки, днем из чашки поменьше, а к вечеру вообще втрое слабее и всего с одной ложечкой сахара.

– Медики правы, – согласился я.

– Точно? – спросил он с сомнением.

– Только не всегда, – уточнил я, – и не во всем. Но, к счастью, у них хватает мужества опровергать свои выводы, как только появляются новые данные. Кофе каждые полтора года попеременно относят то к крайне вредным, то к крайне полезным.

Он коротко усмехнулся.

– Да, ему не везет, никак не попадет в середину. Осмыслили, что я говорил вчера?

Я ответил как бы с некоторым удивлением:

– А что нужно было осмысливать? Это бесспорно.

Он остро взглянул поверх чашки.

– Так уж?

Я сдвинул плечами.

– Даже не понимаю, что тут возражать... если, конечно, не футбольный фанат, который кроме своего «Спартака» ничего не знает и знать не желает. Просто большинство не задумывается над высокими проблемами, у всех более неотложные заботы: работа, семья, дети, плохие оценки у ребенка в школе, заболела собачка, хомячок сдох, сапоги жене, автомобиль что-то барахлит...

Он отхлебнул кофе, на мгновение прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом и ароматом, затем взглянул на меня неожиданно остро.

– И что, никаких вопросов?

Я вздохнул.

– Как это? Масса.

– Давайте, – сказал он. – Посмотрим, как оценивает ситуацию нынешнее поколение.

– Вопросов много, – повторил я, – но вот самый первый: почему так не скоро? Если еще во времена Брежнева было ясно, что нужна глубокая перестройка общества?

Он кивнул.

– Хороший вопрос, как теперь принято говорить в ответ, несмотря на любую глупость, какую б ни спросили. Но вопрос в самом деле не слишком глуп, просто дилетантский. Но это и понятно, доктор нейрофизиологии не обязан знать то, что элементарно для доктора экономики. В общем, прежде чем приступать к началу перестройки, нужно было решить самую важную проблему... Не помню, кто это сказал насчет того, что не приведи господи увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный?

– Пушкин, – подсказал я.

Он кивнул.

– Ну вот, еще он это понял. Нигде в мире не было такого разгула зверства и кровавой жестокости, бессмысленной и беспощадной. Болотников, Разин, Пугачев... да ладно, гораздо ближе крестьянские бунты и зверства Гражданской войны, махновщина и кровожадные

банды, захватившие страну... Так вот, самая первая проблема была в том, чтобы при сломе системы не допустить кровавой вакханалии по всей стране. И по всем республикам. Вы не представляете себе, что такое советская власть... в первую очередь это означает, что ее власть была абсолютной и единственной. Единственной!.. И вот эта власть исчезает...

Он произнес это таким голосом, что у меня по спине побежали не мурашки, а громадные жуки.

– Боюсь и представить, – проговорил я вздрагивающим голосом.

– Вот-вот, – сказал он горько. – Это была первая часть великой задачи. К остальному нельзя было приступать, пока не будет полностью решена эта проблема.

Ингрид сидит тихая, как мышь, благоговеет, еще бы, он для нее олицетворение высшей и абсолютной власти, какая была у Коммунистической партии СССР, это не я, всего лишь доктор наук, у которого и власти нет, и получает меньше, чем иной офисный клерк.

– И как, – спросил я осторожно, – это было решено?.. Или не было?

Он криво усмехнулся.

– Еще бы не было... Я же сказал, это было предварительное условие, без него бы к слову СССР и роспуску республик не приступали. Надо сказать, что задача была непростая. На самом деле, как вы должны понять, Америке был бы выгоднее прежний строй в СССР, когда этот гигант все ослаблял свою экономику, стараясь тащить на себе все многочисленные народы не только в самом СССР, но затем и в мире, поддерживая финансово страны Азии, Африки, Латинской Америки, Китая, Индии!

Грегор появился в дверях, что ведут из дома на веранду, Стельмах его заметил, но ничего не сказал, и Грегор неслышно отступил в дом.

Я ответил осторожно:

– Мне бесспорно то, что вы сказали. Даже не понимаю, почему не бесспорно для масс...

– Светлые умы, – сказал Стельмах, – что с азартом взялись строить коммунизм, не учли, что на азарте и энтузиазме нельзя держаться всю жизнь. Когда говорят, мол, ничто человеческое мне не чуждо, подумайте, о чем речь! При чем тут человеческое? Говорят как раз о скотском, а не человеческом. Нажраться, посовокупляться, повеселиться – это у нас как раз от животных, а от человека – наука, религия, стремление к совершенству... Но даже совершенные люди устают быть совершенными, животное начало берет свое...

– Взяло и в СССР, – согласился я. – Энтузиазм не может длиться семьдесят лет.

– Да и эти постоянные обвинения, – сказал он с горечью, – что Россия их объедает, что они все сообща кормят нищую и спившуюся Россию... Господи, да теперь и статистики никакой не надо! Стоит посмотреть на те страны, что были в составе Советского Союза, сейчас они где?.. В конце списка беднейших стран. Разве что какие-то страны Африки еще беднее.

Я сказал с готовностью:

– Помню анекдоты эпохи СССР. Мчится по крутой горной дороге автомобиль «Волга», водитель не справился с управлением, сорвался с обрыва. Машина в хлам, вылезает грузин и горюет: что же я наделал, чтоб купить такую снова, надо месяц работать! Смотрит, мчится «жигуль», срывается с обрыва, ба-бах, весь в хлам, вылезает армянин и причитает: что же наделал, мне теперь два месяца копить, чтобы купить такой же... Стоят горюют, тут мчится «Запорожец», срывается с обрыва, машина в хлам, вылезает русский и вопит в горе: что же я наделал, я же на эту машину всю жизнь копил!.. Грузин и армянин переглянулись

сочувствующе, один говорит: слышай, ну зачѐм такую дарагую машину купыл?

Ингрид сдержанно заулыбалась, Стельмах сказал с улыбкой:

– Я тоже помню и этот, и еще кучу... Все верно, ни одна из тех республик, простите, стран, теперь не живет богаче России. Но все равно никто не складывает два и два. И если сложит, все равно получается стеариновая свеча. Все утверждают, что это они сами победно вышли из Советского Союза, чтобы не кормить нищую и вечно голодную Россию!

Я спросил медленно:

– Тогда вопрос... вы в самом деле хотите грубо нарушить этот сладостный золотой сон...

Он усмехнулся.

– Это из Беранже? Был такой пролетарский поэт во Франции.

– Да, – согласился я. – Сказать всем, что их провели? А это не обидит еще больше?

Он развел руками.

– Сейчас как раз в этом и вопрос. Одни в руководстве говорят, что пора сказать правду, другие – нельзя, это поссорит нас. Хотя поссорить еще больше уже нельзя, как мне кажется. С другой стороны, живущие в России оценят мастерски проведенную операцию и перестанут чувствовать себя проигравшими в великом противостоянии. Да, мы не смогли выстроить великое и справедливое общество для всего человечества... что ж, но мы хоть пытались. А вы, остальной мир? Живущим в России и строившим коммунизм пора вернуть чувство гордости!

– Это уже началось, – сказал я. – Один Крым чего стоит.

– Гордость усилится, – ответил он, – когда люди узнают, как было на самом деле. Надо, кстати, чаще публиковать статистические данные, какие республики в СССР были дотационными, а какие донорами.

– Россия, Белоруссия и Казахстан, – сказал я. – Остальные жили на дотации.

Он взглянул на меня с уважением.

– Вы либо хорошо подготовились, либо знаете этот вопрос достаточно глубоко... как всякий культурный человек. И нужно сравнивать положение в республиках, какое было во времена СССР, и сейчас. Прибалтика с распадом СССР и вхождением в ЕС потеряла почти половину населения, в ней рухнуло все машиностроение, и все три страны превращаются в сплошной огород! Вообще все страны и бывшего СССР, что вошли в Евросоюз после СССР, обнищали куда уж больше!

Грегор появился в дверях снова, постоял, пока Стельмах его заметит, тот подумал, махнул рукой.

– Скажи Терезе, пусть принесет еще по чашке. Мне две ложки сахара. Нет, три!

Грегор в озабоченности покачал головой.

– Надо ли столько кофе...

Стельмах сказал ровно:

– Правила создаем мы, а не они нас.

– Тогда маленькую?

– Среднюю, – уточнил Стельмах и посмотрел на меня смеющимися глазами, – видите, я способен на компромисс!..

Тереза через пару минут в самом деле появилась с подносом, две большие чашки и одна поменьше, средняя, как и велел Стельмах, а также на широкой тарелке гряда колечек с творогом, хотя еще и прежние восточные сласти мы не оприходовали.

Стельмах взял чашку в обе руки, сделал глоток, мы с Ингрид молча ждали, а он после паузы произнес с удовольствием:

– Люблю кофе... У нас был выбор: пройти через жесточайшую ломку системы, когда на несколько лет будут порваны все связи и воцарятся неизбежная нищета, преступность, голод... или сохранять все как есть, и потом все рухнет уже так страшно и так глубоко, что Россия не выберется из той ямы, а само слово «Россия» станет только географическим понятием. Да, понимаю, нужно было распустить СССР еще раньше, но мы потратили пару лишних лет, стараясь все предусмотреть и ко всему подготовиться.

– Россия слишком велика, – согласился я. – Это не крохотные европейские страны, которые один дворник может держать в чистоте.

– Вот-вот, – сказал он. – Можете себе представить, какая работа была проделана в масштабах страны? Членов партии в СССР четырнадцать миллионов, а либералы, дай им волю, всех бы перебили до единого, вешали бы на столбах, давили бы автомобилями, распарывали кишки и наматывали на деревья, как было в Венгрии, когда вспыхнуло восстание против коммунистов!

Я зябко передернул плечами.

– Были бы уничтожены все ученые, все врачи, все инженеры, как и самые трудоспособные из рабочих... Даже не представляю, как вы решали задачу сохранения кадров.

– Это было самое важное, – ответил он невесело. – Мы исходили из того, что рядовых коммунистов слишком уж много, сумеют дать отпор, да и мы приняли меры, а вот аппаратчиков перебьют обязательно! Нужно было спасти старых испытанных партийцев от возможных репрессий, что хоть и не продлялся долго, но в первые недели могут нанести непоправимый урон. Потому всем кадровикам, начиная от рядовых партторгов на предприятиях и выше-выше, настойчиво порекомендовали уйти со своих постов под предлогом, что нужно резко омолодить кадры. Дескать, влить молодую кровь в их партийные организации, а старым кадрам рекомендовано уйти на хозяйственную работу.

– Как я понимаю, – сказал я, – при строжайшей партийной дисциплине это было проделано везде и очень организованно?

– Да, – ответил он. – Страна все больше теряла запал, но члены партии все еще оставались дисциплинированной армией... Одновременно на должность генсека партии выдвинули самого ничтожнейшего из Политбюро, с которым никто не считался и которого никто не уважал. Этот человек страшился сказать даже слово без санкции тех, кто его поставил, всегда отвечал, что вот сперва посоветуется с Раисой Максимовной...

Ингрид сказала быстро:

– Но как раз тогда академик Сахаров выступил против советской власти!

Он посмотрел на нее с ласковым интересом, как на ребенка, копающего лопаткой деревянный пол у его ног.

– Правда? Он выступил против советской власти?

– Ну да, – ответила она, но уже без уверенности в голосе.

– Академик Сахаров, – повторил он со вкусом. – Ну да, как же, диссидент, противник советской власти, подвергнут репрессиям...

– А что не так?

Он сказал хитрым голосом:

– Академик Сахаров известен как отец водородной бомбы и ярый враг США, а затем как неожиданно осознавший нечто и вставший на сторону США... А как вам его идея, основанная на его точных и скрупулезных расчетах, что нужно заложить на морском дне вдоль побережья Соединенных Штатов ряд атомных зарядов и предъявить США ультиматум типа, если хоть раз гавкнут на нашу страну или посмотрят косо, то рванем! И тогда мощная океанская волна высотой в километр смочет все в Штатах в океан на ту сторону их континента, оставив сухими только пики трех-пяти гор!

Она пробормотала в ужасе:

– Не знала...

Он хмыкнул.

– Да загляните в Вики или в другие открытые источники в инете! И подумайте, мог ли он всю жизнь работать на то, чтобы стереть Штаты с лица земли, а потом вдруг резко переменить взгляды?.. Не-е-ет, это, я уже говорил, с началом подготовки к роспуску Советского Союза во весь рост встала проблема спасения ценных кадров. Лучших из лучших партия всегда привлекала в свои ряды, потому коммунисты должны быть выведены из-под удара, чтобы при роспуске СССР не случилось, как я уже сказал, венгерского варианта, когда коммунистов убивали всех подряд где выстрелами, а где топорами, молотами, вилами, выбрасывали из окон...

[Купить полную версию книги](#)